

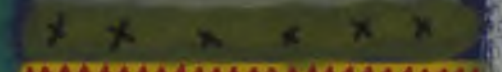
84(2 Рос=Манс)

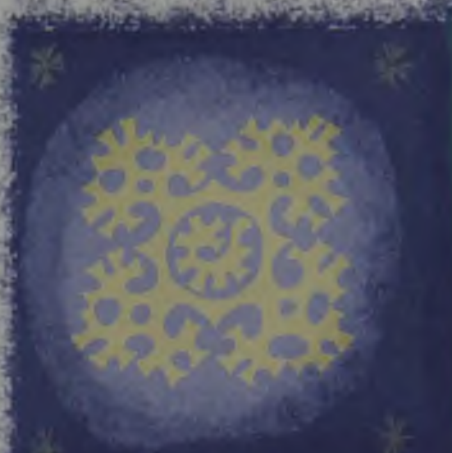
К Т22

Андрей
Тарханов

Лесные
доктора

Андрей
Тарханов
Лесные
доктора

Андрей
Тарханов

Лесные доктора

*Универсальная
книга для детей
всех школьных
возрастов*

Государственная
библиотека
Югры

03

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2008

-0111731-

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84(2Рос-Ма)

Т 22

Автор и издательство благодарят Департамент по вопросам малочисленных народов Севера за помощь в издании книги.

ISBN 978-5-7529-0939-9

© Тарханов А.С., 2008

© Морозов А.А., ил., оформл., 2008

© Средне-Уральское книжное
издательство, 2008

ОБ АВТОРЕ

Мансийский поэт
Андрей Семенович Тарханов
родился в языческой деревне
Аманья (Маленькая речка)
Кондинского района Ханты-
Мансийского автономного
округа.

Учился в Ленинградском
пединституте имени Герцена.
Окончил Высшие курсы
сценаристов и режиссеров при
Союзе кинематографистов
СССР в 1967 году и Высшие
литературные курсы Союза
писателей СССР в 1987 году.

В издательствах
Москвы, Свердловска-
Екатеринбурга, Тюмени
вышло в свет 18 поэтических
книг А.С. Тарханова. Самые
известные из них «Морошковое лето», «Пасхальный день», «Храм
милосердия», «Плач неба», «Исповедь язычника», «День боренья»,
«Колокол грянет».

Стихи мансийского поэта переводились на английский,
болгарский, венгерский, финский, чешский, шведский языки, а
также на языки народов СССР, позже стран СНГ.

Андрей Тарханов — заслуженный деятель культуры Ханты-
Мансийского автономного округа, почетный житель города Ханты-
Мансийска. Сейчас он вице-президент международной Ассоциации
финно-угорских писателей.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Книга «Лесные доктора» универсальна по разнообразию художественных жанров и адресована детям — от малышек-первоклашек до старшеклассников, стоящих на пороге взрослости, раздумывающих о выборе профессии.

Малышам будут интересны загадки, лирические стихи. Старшим ребятам — повесть приключенческого характера «Капитан Деткин», героями которой являются реальные люди, реальные обстоятельства.

Не секрет, что первый учитель в жизни человека после мамы и папы — это природа, очевидно её всеобъемлющее влияние на всё живое на Земле. От широкого раннего познания природы, от любви к ней зависит углублённость и объёмность творческого мышления человека, значимость будущей личности.

Итак, книга «Лесные доктора» к вашим услугам, дети. И верится, что вы воспользуетесь наличием своего щедрого возрастного права на красивую провидческую любознательность, на романтический взгляд и крылатость, на мечту, устремлённую в будущее.

Ваш Андрей Тарханов

КНИГА, ПРИРОДА,
МУДРАЯ СКАЗКА —
ДАРЯТ НАМ ЗНАНЬЯ
С ПЕРВОГО КЛАССА

ЧУДЕСА

Чудеса живут кругом —
Ёжик дружит с барсуком.
Вместе ходят на охоту,
Носят в дом еду и воду.

Чудеса живут кругом —
Ёрш дерётся с карасём.
Ставит в угол их за драку
Кто же?..
Щука-забияка.

Чудеса живут кругом —
Лось беседует с орлом.
Ворон на сосне притих,
Он подслушивает их.

Сколько же всего чудес
У тебя, скажи нам, лес?

СПЯЩАЯ БАБОЧКА

Спящая бабочка в доме
На паутине, на клёне¹.
Бабушка в горнице ходит.
С бабочки взгляда не сводит.
Внукам Серёже и Вите
Шепчет она: «Не шалите.
Дверью не хлопайте, дети.
Снится ей сказка о лете...
Вдруг паутинка порвётся,
Бабочка тотчас проснётся.
Мир её хрупок и тонок,
Бабочка — тот же ребёнок».

А за окошком морозы.
В инее красном берёзы.
Бабушка тихо вздыхает,
Сердце её замирает:
«Пусть до весеннего грома
Спит наша бабочка дома».

¹ Клён — здесь: декоративное комнатное растение.

Лось в марте

Качая тяжкими рогами,
Идёт он синими снегами.
Порой рогами снег вздымает,
Снег васильками расцветает.
Вот, фыркнув, он остановился.
Снег на боках, в глазах искрился.
Увидев белку над собою,
Плеснул в неё он синевою,
Поднялся дым голубоватый —
То снег, подброшенный сохатым.
Идёт он от зари рассвета,
Спешит на встречу с вами, дети.

МЕДВЕЖОНОК

Медвежонок, что с тобой?
Не киваешь головой
И брусничный морс не пьёшь?
Даже сладкую конфету,
Шоколадную конфету
Почему-то не берёшь?
Ну, чего ты грустил?
В лес ты хочешь?..

Медвежонок
С табуретки соскочил,
Взял он за руку меня:
— По тайге скучаю я.

Филин и заяц

«Фу-бу, фу-бу!
Сни-му шу-бу!» —

Филин ухает, кричит.
Заяц петли вьёт-бежит.

Под корягу заяц прыг
И глазами зырк-зырк-зырк.

Как кузнечные меха,
Ходят заячьи бока.

«Напугал, злодей, меня.
Погоди же... я, я, я...

Я и сам кричать могу».
Вдруг опять на всю тайгу:

«Фу-бу, фу-бу!
Сни-му шу-бу!»

Заяц съёжился в комок,
Стал похожим на пенёк.

УПРЯМЫЙ ДЕНЬ

Мне очень нынче верится,
Что есть упрямый день.

Он дуется, он сердится,
Ему смеяться лень.

Он говорит:

— Не знаю.

Не буду.

Не хочу.

По лужам прошагаю,
Всех громче закричу.

Упрямый день,

Ты, как олень,

Спеши, зовут пути.

А станешь ты весёлым днём —

Скорей ко мне лети.

ПРО ХВАСТУНИШКУ

Жил в моём посёлке, дети,
Хвастунишка,

звали Федей.

Говорит он другу: «Дёма!
Мне тайга,

как ты, знакома.

Знают все меня медведи,

Росомах ловлю я в сети.

Ты согласишься или нет —

Сразу съем я сто конфет».

Хвастать можно без конца,

Не меняя цвет лица,

Не моргая, не стыдясь,

А в душе всего боясь.

СТРАХ

Страх живёт не за горою,
Он у всех живёт в сердцах.
Воли нет у нас с тобою —
Значит, с нами дружит страх.

От зелёных волчьих глаз
Страшно нам в полночный час.
Гонит страх в нору лису
В притаившемся лесу.

Ищут когти барсука
И мышонка, и жучка.
Даже лётной утке
С ним встречаться жутко.

Появился вдруг медведь
И давай вовсю реветь:
— Я хочу корову съесть!
Звери сразу — по кустам
И дрожат от страха там.

Но выходит светлячок:
— Что кричишь, как дурачок? —
Говорит медведю он.
Мишка наш ошеломлён.
Бас его до писка сел:
— Я тебя... да как ты смел?..
Для меня ты — ноготок...

— Нет, медведь, я — светлячок.
Помогаю всем в ночи.
Так что больше не кричи.

Зыркнул мишка взглядом красным:
— Пожалее, больно мал.
Только не свети напрасно:
Я тайгу перепугал.
Страхом всех согну в дугу,
Сами принесут еду.

Светлячок шёл в ближний бор
И не слышал этот вздор.

СЛЕДЫ

Кто водил здесь ниточкой
Синеватых бус?
Горностая белого
Тонкий чёрный ус.

Кто здесь вышил бисером
Тропочку в камыш?
Это от лисицы
Убегаламышь.

Кто,
 скажи,
 узорами
Берег расписал?
Куропатки шустрые
Посещали тал...

На снегу,
 как в книге,
Я читал следы.
Посмотри внимательно —
Всё поймёшь и ты.

ЗАГАДКИ

* * *

У деревьев, трав свои привычки
И своя улыбка на заре.
Для чего берёзе чечевички —
Чёрные полоски на коре?
(через эти полоски берёза дышит)

* * *

Что за сторож на реке
С фонарём стоит в руке?
Без него, без чудака,
Не сумеет жить река.
(бакен)

* * *

Жёлтый, словно одуванчик,
Сшит для куклы сарафанчик.
И косынка из горошка.
Эту куклу звать...
(матрёшка)

* * *

Злая кошка на суку
Притаилась: ни гугу.
Заяц, заяц, берегись:
Ждёт тебя в засаде...
(рысь)

* * *

Спать зимой — такая доля.
Видит горы щук во сне.
В шубе мокрой и тяжёлой
Он рыбачит по весне.
(медведь)

* * *

Птица чёрная шустра,
Слышен крик её с утра:
«Уходите, белки, мишки,
Никому не дам я шишки.
Соберу их быстро, ловко».
Нашу птицу звать...
(кедровка)

* * *

Как она рыжа от лета!
Как обласкана, согрета!
Собирает впрок грибы,
Сушит на корнях тропы.
И орехи прячет в щелки.
Ну, конечно, это...
(белка)

* * *

Это кто всюсю хохочет,
Ночью длинной спать не хочет?
Чьи глаза, как фонари,
Полыхают до зари?
(филин)

* * *

Ночью кто-то ел морковку.
Съел, смотрите, полгряды...
Сторож видел, как он ловко
Сиганул потом в кусты.
Сторож долго хохотал,
Он проказника узнал.
(заяц)

* * *

Он живёт в норе угрюмой.
Полосат, как бурундук.
Днём он спит,
А ночью бродит.
И зовут его...

(барсук)

* * *

Ствол у тополя ветвистый,
Да и ростом он велик.
Пух он сеет серебристый.
Вот собрать бы пух лучистый,
Сшить для куклы...

(пуховик)

* * *

Более хрустальной речки
Ты в округе не найдёшь.
И песок в ней бел,
как сахар.
Здесь живёт привольно...

(ёрш)

* * *

Он древней всех птиц летучих.
Необычен, посмотри:
Носит перья цвета тучи,
Брови — сполохи зари.
Любит сосны на обрыве,
И поёт... — особый дар.
Он воистину красивый.
Звать его в миру —

(глухарь)

* * *

Цвета имеет меди, золота,
Бывает и голубоват.
Глядится он без тины молодо
И от икры тяжеловат.
Его берите не боясь:
Он безобиден — наш...
(карась)

* * *

Есть вожак у стаи грозной.
Он, как знатный дирижёр,
Подал знак —
и грянул хор —
Вой стоит вокруг тревожный.
Задрожал глухарь в снегу,
Горноста́й притих в стогу.
Филин смотрит, страх скрывая,
Знает — это...
(волчья стая)

* * *

Посмотрите на лугу,
На болоте, на току, —
Там бывает царь-кулик:
Носит яркий воротник,
Редкой красоты кафтан,
Гордый, важный...
(турухтан)

ПОЭМЫ

БЫБА

Поэтический рассказ о лесном гноме

Имя лесного гнома Буба — плод фантазии внука Саши, которому ныне идёт восьмой годик. А когда ему было три года, он придумал имена для всех близких людей: Дика, Ника, Кука (это моё имя).

В то время Саша часто говорил по телефону с Бубой, приглашая его играть с «мати» — с мальчиками. В результате я, как поэт, поверил, что добрый гном Буба существует взаправду. И посчитал своим поэтическим долгом написать о нём.

Посвящаю свое творение внукам: Саше, Славику, Владику, Никите, Маргарите.

1

Буба, добрый юный гном,
Свой в бору имеет дом.
Сени. В доме три окна.
С юга светится Луна.
На востоке — тёмный лес.
Тишина стоит окрест.
Север подарил реку.
Дом стоит на берегу,
На пригорке, где откос.
Рядом — рыболовный плёс.
Чайки там кричат с утра,
Чайки видят осетра.
Осетра им не поймать,
Остаётся лишь кричать:
— Эй, лови его! Лови!
Где медведь?! Сюда зови!..
Мы оставим этот гам.
В гости к Бубе нужно нам.

2

Здесь гостей уже хватает:
Заяц, Белка и Медведь.
Каждый кашу уплетает,
Даже радостно смотреть.

Мишка ложкой ест огромной.
Он сопит, кряхтит нескромно.

У Косого хвост торчком,
Уши ходят ходуном.
Каша очень нравится,
Заяц улыбается.

Белка держит лапкой ложку,
Как хрустальную серёжку,
Осторожно и пугливо.
Белка кушает лениво.

В дверь стучатся: тук-тук-тук.
Буба в курточке зелёной
И в своих гостей влюблённый,
Знает, что явился друг:
— Заходи к нам, бурундук.

Полосатый и весёлый,
Словно он сейчас из школы,
Где пятёрку получил,
Бурундук сказал: «Друзья,
К вам с поклоном нежным я.
Ой, как я сюда спешил!

В этом доме я не прочь
Гостевать и день и ночь.
Об одном грущу лишь я:
Дом построен без меня».

— Ты болел, мы это знаем, —
Басом прогудел Медведь. —
Мы друг другу помогаем,
В бедах часто выручаем,
А иначе будет смерть.

— Миром строили мы дом.
Это верно, — молвил Гном.

3

Работящие бобры
Валят сосны у реки.
Не нужны им топоры:
Зубы,
 как пила, остры.

Сучья в сторону. Бревно
Строевое —
 вот оно!

И берут медведи
Брёвна цвета меди.
Их в реку бросают,
К Бубе отправляют.

Буба ловит их багром
С верным другом Барсуком.

А кроты... вот мастера:
Р-раз! — и скинута кора.

День желанный наконец
Наступил — готов венец¹!

Дело двинулось быстрее
У строителей-зверей.

Топоры стучат, и дрель
Знай свою выводит трель.

Уж трубу имеет крыша,
С нею дом — рябин повыше.

Кладкой Крот-печник доволен.
За венцы Медведь спокоен.

¹ Венец — один ряд брёвен в срубе избы.

Буба весело глядит —
Из трубы дымок летит.

Есть у дома палисад.
Через год здесь будет сад.

Скажет Буба — добрый гном:
— Всех прошу в счастливый дом!

4

Лес стоит стеною грозной.
Гном идёт тропинкой росной.
Он идёт, как хитрый Лис:
Ни сучок, ни старый лист
Под ногами не шумят.
Тишиною лес объят.
Мрачно здесь. Сыра дорожка.
Буба потому в сапожках:
В них ходить в лесу удобно,
От воды не кинет в дрожь,
Перейдёшь ручей свободно,
И болото перейдёшь.

Крепенький, как боровик,
Буба ростом невелик,
Даже мал.
Но ладно скроен,
А в сапожках этих строен.

Куртка цвета майской ели,
Мы ее уже воспели.
И цветёт его рубашка,
Как лазоревая кашка¹.
Брюки вправлены в сапожки.
В бор-кедрач ведёт дорожка.

¹ Кашка — вид клевера.

Бор кедровый любит Буба,
Нежно бережёт его.
Здесь бывают люди грубы,
Кедром с ними нелегко.

Грянет время шишкобоя¹, —
И для гнома нет покоя.

В эти дни сюда на шишки,
На орехи все спешат:
Люди, белки, дятлы, мишки,
Ронжи² яростно кричат.

Суматоха, шум повсюду.
Вот они — заботы Бубы:
Чтоб костры не разводили,
Кедры колотом³ не били,
Чтоб забыли про топор,
Берегли великий бор.

Бор давно слывёт целебным
И по жизни леса — хлебным.
Он — кормилец птиц, зверей,
Он — святыня⁴ для людей.

¹ Время шишкобоя — это сентябрь, когда ветер сбивает шишки на землю.

² Ронжа — кедровка.

³ Колот — крестообразное бревно, которым сбивают шишки. Оно повреждает кору и корни дерева.

⁴ Кедр и сейчас у народов ханты и манси считается священным деревом.

Кто зимы боится лютой?
Звери, птицы, даже люди.
Лес готовится к зиме
С первой думой о жилье.
И продукты впрок нужны
До прихода к нам весны.
Шишки, ягоды, грибы
Слаще гречневой крупы.
Буба их хранит в амбарах
От мышей и от пожара.
Есть большой амбар для шишек.
Он таит запас для мишек.
И для ягод свой амбар —
Трёх болот лечебный дар.
Есть ледник для свежей рыбы.
Голубеют льдины-глыбы!
Есть запасы рыб копчёных,
Солнцем вяленых, солёных.

Дом с амбарами готов
Дать друзьям еду и кров.

Если вдруг в зверином стане
Голод в холода настанет —
Явится к страдальцам гном,
Их спасёт радушный дом.

НЕПОСЛУШНЫЙ
* МИШКА *
И СМЕЛЫЙ ЗАЙЧИШКА

Поэма-сказка для малышей

1

Глубокой и тёплой
Берлога была.
Медведица с Мишкой
В берлоге жила.
Кедровые
Возле берлоги
Леса,
Закрыли ветвями
Они небеса.

На свете немало
Кедровых лесов,
Немало медведиц,
Немало сынков,
Таких же, как Мишка,
В Югорских борах,
С весёлыми искрами
В карих глазах.

Зачем эту сказку
Тогда я сберёг?..
Совсем непослушным
Рос Мишка-сынок.

2

Мишка к озеру бежит,
Мишка радостно кричит:
— Мама снова без меня
По грибы ушла,
И я
Буду целый день играть,
Белок и стрижей пугать.

И на галечник с обрыва
Спрыгнул Мишка торопливо.

Тотчас градом голышей
Разогнал он всех стрижей.
Чайки в дали улетели,
Рыбки скрылись, присмирели.
Только волны разыгрались
И над Мишкою смеялись,
Ведь остался он один,
Этот шумный господин...

Скучно сразу стало Мишке.
Чем заняться? С кем играть?
Почитать ему бы книжку —
Не умеет он читать.
В пряталки бы...
Но опять —
Где напарника сыскать?..

Знает лес, что Медведица
Забывает о сынке:
Вместе с ним не веселится,
Не бывает на реке.

Трудно маленькому Мишке
Без советов мамы жить.
Потому он — шалунишка,
Хочет всем в лесу вредить.

Скажите, что делать
С таким шалуном,
С таким непослушным
И грубым сынком?

З

— Накажите шалунишку, —
Белка с кедра говорит.
— Надо в угол ставить Мишку! —
Ёж под деревом шумит, —
Кинул он в мою нору

Камень нынче поутру.
— А гнездо, гнездо моё —
Моё славное жильё
Палкой он проткнул насквозь, —
Плачет на берёзе Дрозд.
— На собранье шалуна
Пригласить! — кричит Желна¹. —
Вместе с мамой пригласить,
В пятый раз предупредить:
Пусть уймётся хулиган,
Пусть придёт с поклоном к нам.

— Это всё слова, слова, —
Говорит друзьям Сова. —
Хватит воду в сито лить,
Надо Мишку проучить,
Дать ему такой урок,
Чтоб пошёл ему он впрок.

4

В том лесу кедровом, дети,
Жил зайчонок смелый, Петя.
Потому он смелым стал —
Волка Петя напугал.
Было так.
К морковной грядке
Петя ночью шёл с оглядкой.
Возле леса грядка та,
И собак не слышно, да...

Высока ограда больно.
«Ах, кружить вокруг довольно!» —
Петя в небо посмотрел,
Разбежался и... взлетел.

Волк в ограде той лежал,
От погони отдыхал.

¹ Желна — чёрный дятел с ярко-красным теменем.

При сверкании зарницы
Страшную увидев птицу —
То Зайчонок воспарил
И, ликуя, голосил, —
Волк пустился наутёк,
Не жалея лба и ног.

Отдышался Петя еле:
«Ну, теперь я буду смелым.
Я же волка напугал!..»

Он и вправду смелым стал.
Кто его не знает речи?
Волка он зовёт на встречу.
Вот к нему-то, храбрецу,
Мир лесной послал Лису.
Говорит Лиса елейно:
— Мы живём в лесу семейно.
Петя, ты смельчак у нас.
Выручай. Нагрянул час.
С этим Мишкой сладу нет,
Он приносит столько бед!
Надо наказать его.
— Это будет нелегко, —
Петя принял важный вид,
Призадумался, молчит.
А Лиса ему: — Зайчонок,
Я мудра, считай, с пеленок.
Мишку хитростью возьмём...
— Ну, тогда, Лиса, пойдём!

5

Петя Мишку отыскал,
Тот смородинник ломал.
— Здравствуй, Мишка!
Я — Зайчишка,
Тот, который очень смел,
Волка напугать сумел.

— Волк трусливым, верно, был,
Зря тебя не отлупил, —
Отвечает громко Мишка,
Грубиян и шалунишка.

— Слушай, Мишка, не шуми,
Я не зря пришёл, пойми.
Хочешь ты со мной дружить
И на радость лесу жить?

— Ничего я не хочу!
Я тебя поколочу,
Если будешь ты мешать
Мне смородинник ломать.

— Здесь смородина вкусна,
Ветки зря ломаешь.
Кормит наших мам она.
Ты о том не знаешь?

Мишка ветку отпустил.
Ветка жизни рада.
Петя снова предложил:
— Нам дружить бы надо...

Рассмеялся Мишка вдруг:
— А зачем такой мне друг,
Хилый, маленький, смешной?
Лучше спать иди, косою.

Что сказать ему в ответ?
Больше слов у Пети нет.

6

Возле речки на поляне
У зверей и птиц собранье.

Тут Лиса и Колонок¹,
Белки, Ёж, Бурундучок...
Птиц полно: Желна, Сороки,
Чайка, Филин жёлтоокий...

На собранье важном только
Не хватало нынче Волка.
Он недавно удалился,
А пред тем разговорился:
Мол, зачем луну смешить,
Зря про Мишку говорить.
— Без меня решайте, звери,
В воспитанье я не верю.
Есть один резон и толк —
Мой кулак, — сказал им Волк.
Сход на это рассмеялся,
Вновь повесткой дня занялся.

Нет шумных разговоров,
Нет, на удивленье, споров.
Первый раз прошёл спокойно
Сход лесных зверей и птиц.
— Спорить не о чем. Довольно! —
Верно высказался Лис. —
Сами Мишку мы проучим,
Если надо — жить научим.

Дружно принят приговор.
Но какой? Не скажет бор.
Знает он о волчьей яме
(Волк давно забыл о ней),
Служит нынче эта яма
Наказаньем для зверей.
Справедливо наказанье,
Если принято собраньем.

¹ Колонок — хищный пушной зверёк.

7

Идёт по лесу Мишка —
Ушастый шалунишка,
Размахивает палкой,
Ему ветвей не жалко,
Не жалко ни синицы,
Ни белки, ни куницы.
К нему храбрец Зайчишка
Из-за кедра прыг.
От удивленья Мишка
Прикусил язык.

— Здравствуй, Мишка!

— А-а, Зайчишка!

Как ты смеешь тут скакать
И меня, меня пугать?!

Марш с моей тропы, косою!

— Сам иди к себе домой.

— Ах, несчастный, только пух

От тебя останется!

Петя мчится во весь дух,

Даже не оглянется.

Мишка вслед за ним бежит,

— Стой, врунишка! Стой! — кричит.

8

На сосне глухарь сидит,

Зорко на тропу глядит.

Но не видно ни души.

Вдруг раздался крик:

«Держи-и!..

Стой, тебе я говорю!»

Ясно стало глухарю:

Это Мишка

И Зайчишка.

Надо всех предупредить.

— Эй, кончайте говорить!

Петя с Мишкой мчатся к нам.

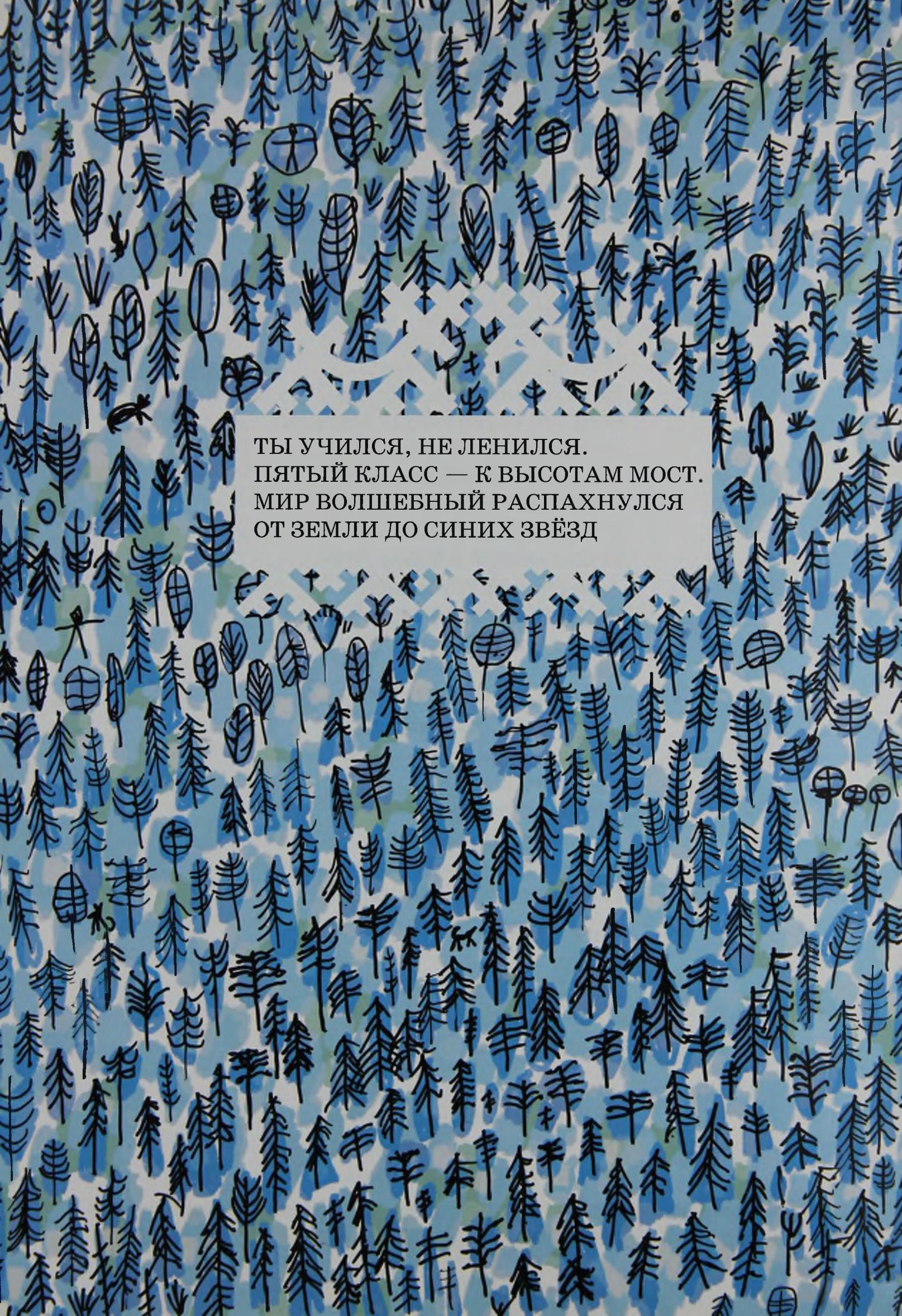
Звери, птицы, по местам!

Вывел Петя Мишку к яме,
Сам — в сторонку.
Мишка бух
В эту яму: «Мама, мама!»
Лес стоит и нем, и глух.
Осмотрелся Мишка в яме,
Глянул вверх —
И дрожь в ногах:
Небо птичьими глазами
И звериными глазами
На него смотрело... Страх!
Всех узнал дрожащий Мишка,
Всех, кого он обижал,
Бранным словом обзывал,
Жить спокойно не давал.
И смутился шалунишка,
И заплакал, и сказал:
— Вы простите все меня.
Виноват пред вами я...
И тогда седой Бекас
Зачитал лесной указ:
— Сход тебе поверил, Мишка.
Коль прощенья попросил, —
Значит, понял:
Худо жил.
Потому тебя прощаем
И на волю отпускаем.
Ты расскажешь честно маме,
Почему сидел ты в яме.

Петя лесенку поставил
В яму:
— Мишка, ты прости:
Я, конечно же, слукавил,
Но хотел тебя спасти.

Мишка выбрался из ямы.
— Ладно, Петя. Помолчим.
Лучше проводи до мамы,
Вместе с ней поговорим.

ТЫ УЧИЛСЯ, НЕ ЛЕНИЛСЯ.
ПЯТЫЙ КЛАСС — К ВЫСОТАМ МОСТ.
МИР ВОЛШЕБНЫЙ РАСПАХНУЛСЯ
ОТ ЗЕМЛИ ДО СИНИХ ЗВЁЗД

* * *

Рати елей охраняют
Это озеро в тиши.
И тебя не забывают,
Берегут покой души.
Ты у ели отдыхаешь
От столичной суеты,
Гарь бензиновую хаешь
У живительной воды.
И однажды оленёнка
Ты меж веток усмотрел.
На таёжного ребёнка
Как на идола глядел.
Дива этого не станет —
Чем мы душу усладим?..
Без природы каждый станет
В жизни роботом живым.

ПТИЦЫ СОСНОВОГО БОРА

В хвое дорога упруга
И желтовато влажна.
Гальку клюёт копалуха¹.
Чует погоду она.

Сойка собою гордится,
Верит, что только она —
Самая видная птица:
Каждой травинке видна.

Дятел — лихой работяга —
Сотне деревьев помог.
Краше хвастливого мака
Красный его хохолок.

Ветки ведут разговоры,
Вторит им огненный лис:
Нету соснового бора
Без удивительных птиц.

¹ Копалуха — глухарка.

* * *

Снега летят.
Растут сугробы,
А кое-где и терема.
Уютно зайцу под снегами,
Смежил глаза. Теплынь и тьма.

Метелью филин недоволен, —
Ни крикнуть, ни захохотать.
От частых злых пощёчин ветра
Приходится моргать, чихать.

Не спится белке любопытной,
Нет-нет и шмыгнет из дупла.
И верещит она ехидно,
И хвост в работе, как метла.

Ель и густа, и величава.
Средь веток — спальня снегиря.
Он слушает концерт метели.
Он слушает, печаль тая,
Он ищет звуки для себя.

ШЁПОТ СОСЕН

Ше-лест, шё-пот,
Жёл-тый край.
Со-сен ро-пот —
Зно-ен май.

Ве-ток шо-рох,
Хво-и спад.
Ши-шек во-рох
Для бель-чат.

В ры-жей хво-е
Ры-жий лис.
В си-нем зно-е
Звук по-вис.

Сло-вно стих,
Бор при-тих.

КРАСИВЫЙ СОН

*Не мешайте мне досмотреть
красивый сон...*

Слова сына Вани

Не улетай, красивый сон,
Я досмотрю тебя...
Летит крылатый рыжий конь
В заморские края.

И парус мчится по волне,
Заря горит огнём.
Как хорошо с тобою мне,
Красивый, милый сон.

Я над деревнею парю.
— Смотрите! — я кричу.
С Луной, как с мамой, говорю,
А сам лечу, лечу.

* * *

Озеро Туман не спит ночами,
Озеру не спится, как и мне.
Окольцовано оно логами —
Кружевом черёмух по весне.
Эта красота порой обманна —
Ураган является сюда.
У песчаных берегов Тумана
Гулеванит по ночам Беда.
Вал вздымается до верха кручи,
Валит кедры гребнем ножевым
И бессонницею чаек мучит,
Неуютно жителям лесным.
А поутру в белизне черёмух
Озеро —
 мирская благодать.
Выбегаю с радостью из дома,
Чтобы озеро поцеловать.

УЛЕТАЮТ СКВОРЦЫ

Улетают скворцы из деревни
За причалы бумажных портов.
А мальчишки зовут их в скворешни
И под флаги своих крейсеров.

Но торопятся певчие птицы —
Соловьи деревенок лесных.
Глядя вслед им, печалятся лица.
Как влюблённым не вспомнить о них!

Улетают скворцы.
Кто-то машет,
Словно детям родным, в вышину.
Неожиданно стали мы старше,
Провожая скворцов и Весну.

И мальчишка далёко-далёко
Взглядом стаю свою проводил
И, охвачен неясной тревогой,
Втайне парусник свой утопил.

Опадают, как листья, скворешни
На подушки мальчишек во сне.
Улетели скворцы из деревни,
Мы мечтаем опять о Весне.

КЕДРОВЫЙ САД

*Посвящается
лесникам и лесоведам
Ханты-Мансийска*

Величавый, в жизни новый,
Он людским заботам рад.
Есть у Треньки¹ сад кедровый —
Первый в нашем крае сад.
Здесь зелёным великанам,
Их пушистым малышам —
Каждому дана поляна,
Подрастая, царствуй сам.
Поднимайся к небу смело
И на урожай ветвей
Приглашай побольше белок
Да проворных соболей.
В кедраче-саду брусника,
Словно клюквины, крупна.
Глухарей зовёт, смотри-ка,
На обед к себе она.
Там алеет костяника,
Прячется в тени черника.
Что ни древо — сущий клад!
Сам люблю кедровый сад.

¹ Тренька — название деревни.

* * *

Всю ночь в окошко дождь стучал
И гром как будто в дом просился.
Он недовольно рокотал.
Потом стихал.
Но, воротясь, опять сердился.
Взъерошен лес.
Его стволы
Сейчас в работе неустанной.
У старой сломанной ветлы
Стоит лосёнок в позе странной:
Он недвижим — боится ночи,
Услышать голос мамы хочет.

ВЫРТУМ¹

Только утро наступает,
Выртум —
 чаша на бугре —
Заалееет, засияет,
Как рябина в сентябре.

В полдень озеро бледнеет.
Пара лебедей в тиши
Час от часа розовеет,
Розовеют камыши.

Ночью лось прядёт ушами,
В красных водах жутко плыть.
Удивлёнными глазами
На него взирает выпь.

Птица жёлтая ночная
Видит нынче при луне,
Как, рубиново мерцая,
Звёзды плавают на дне.

¹ Выртум — по-хантыйски: Красное озеро.

ПРИТЧА ПРО КАРАСЯ

Золотой карасик бьётся
В липкой сети рыбака.
Может быть, она порвётся?
Может быть. Но сеть крепка.

Ячею порвать не хочет
По соседству жирный язь.
«Мне волна уйти поможет», —
Говорит, не шевелясь.

Щука — яростная сила,
Словно буря, пронеслась.
И ленивца проглотила.
Но решил спастись карась.

Он от щуки увернулся,
Медлить было бы смешно,
Сеть порвал и... улыбнулся
И, как слиток, пал на дно.

Он до сей поры живёт,
Долгожителем сльвёт.

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

Он у залива день дежурит
И всё-таки своё возьмёт.
Он глазки огненные щурит,
Когда нащупывает брод,
Когда язя на клык кладёт.

Залив речной — его отрада:
Сюда заходит рыбе стадо.

Медведь наш воду баламутит,
И в этой дикой суете
Ведёт себя он словно люди,
Привыкшие к речной еде.

На берег рыбу он кидает,
Себя без меры угощает.
Язей наевшись до отвала,
Спит долго наш рыбак усталый.

Обид у мишки к людям нету —
Они чураются его.
Пуд сала накопив за лето,
Идёт к берлоге тяжело.

В ОСЕННЮЮ НЕПОГОДУ

Глухарь сегодня — в буреломе.
Он, великан летучий, спит,
Как люди в благодатном доме.
А дождик нудно моросит.
Проснётся рано он от смеха
Совы, хохочущей над ним:
«Смотрите, птицы, вот потеха! —
Заспался чёрный нелюдим».
Багряный лист в просветы сучьев
Росинки на него сочил.
«На волю выберусь-ка лучше...
На волю, где вчера ходил».
Он вышел на песок прибрежный.
Шумел на речке тёмный вал,
И хулиганил ветер встречный.
Глухарь песок клевал, клевал.
На небо глянул. Небо хмуро.
И ветер ледяной подул.
Учуяв снеговую бурю,
В чащобу снова он нырнул.

ПЕСНЯ КАЮРА¹

Не коси на меня глаз свой карий,
Переждём непогоду — и в путь.
Я сегодня немножко усталый,
Разреши мне, олень, отдохнуть.

Даже звёзды на небе промокли
В этот майский отчаянный дождь.
Чум тебе подарил бы я тёплый, —
Всё равно из него ты уйдёшь.

Ты мечтаешь о тундре цветущей,
Чуешь запах морошки сырой.
Это тропы касланья², дружище,
Не дают нам покоя с тобой.

¹ Каюр — погонщик оленей.

² Каслание — кочевье.

МЕТЕЛЬ НАД ЛОГОМ

Летает тонкий снежный запах,
И пряный дух струит кора.
Качаются на хвойных лапах
С небес упавшие ветра.

Ветрам до лога не добраться,
Закрыл его кедрач собой.
И совке¹ не грешно смеяться
На бесполезный волчий вой.

В логу у птиц свои палатки,
И кое-где журчат ключи.
Под ивами спят куропатки,
В сугробах дремлют косачи.

Над логом — снег колючий, мелкий,
Деревья в качке.
Зла метель.
Но веселятся в дуплах белки,
Им щедро дарит шишки ель.

¹ Совка — птица из отряда сов.

ВЬЮГА

Вьюга с воем, стоном, свистом
Ворвалась к нам в декабре.
Кедрачи Ханты-Мансийска
Утонули в снежной мгле.
У холмов, на лыжных трассах
Гонки вихрей провела,
Где каталась на салазках —
По два храма возвела.
Волчья стая от испуга
По логам в снега ушла.
До утра кружилась вьюга —
Разудалая душа.

* * *

Спи, мой лес.
Сейчас ты, как ребёнок,
До зари задумчиво притих.
И ручей, воркующий котёнок,
Приютился у колен твоих.
Мы с тобою, лес,
Как братья стали.
Нам шагать с тобой —
рука в руке.

Без меня ты —
сохнешь от печали,
Без тебя я —
буду жить в тоске.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Иду за стихами к лесному ручью.
Сначала я воду душистую пью.
Сначала с берёзой веду разговор
Про этот раздумчивый синий простор.
Берёза смеётся,

и ласков ручей.

И музыка слышится в плеске лучей.
Рождается музыка, музыка дня,
О чудо! — она поднимает меня.
А может, душа воспарила моя?
Не знаю, не помню, не ведаю я.
Я слышу, я вижу, поверьте, слова,
Цветастые, как луговая трава.
И я от восторга в полёте притих,
Вот в это мгновенье родился мой стих.

ЭКСПЕРИМЕНТ ЗВУКИ ЦВЕТОВ

1

Подснежник синие слова
Смущённо говорит едва:
— Улú-у, улú-у.

2

Глядят колючие кусты
На майник, на его цветы.
Они белы, как снег зимой.
Услышим ли их звук лесной?
— Ма-а, ма-а.

3

У розы красные слова:
— Ра-а, ра-а.

4

А у тюльпана-степняка
Слова зари и ветерка:
— Ла-а, ла-а.

5

То оранжевый, то золотой
Георгин-говорун под луной:
— Орó-о, орó-о.
Он любимец и солнца, и звёзд,
Он сияние неба принёс:
— Орó-о, орó-о.

ПОЭМЫ

ПИХТА-

СПАСИТЕЛЬНИЦА

В конце ноября 2004 года в Ханты-Мансийске случилась сильная оттепель. Всюду — капель. В логах потекли ручьи. Звери и птицы пришли в смятение.

Мне удалось в это время побывать в лесу. Я стал свидетелем странных, непонятных передвижений зверей и птиц. Эти наблюдения и легли в основу моей поэмы для детей.

Лапы дерева душисты,
Спит на них русак пушистый.
Но Лиса не удивилась,
Хитрой мысли улыбнулась:
«В этой темени лихой
Будешь греть меня, косо́й».
Им, уснувшим, невдомёк,
Что сюда нагрянет Волк.

4

Волк промок, как говорится,
От ушей и до хвоста.
Дятел на него дивится:
— Из тебя течёт вода!..
Волк ему тоскливо мямлит
Деревянным языком:
— Дай совет мне, словно мама,
Где согреться? Дождь кругом...

Дятел тотчас огляделся.
У него отменный глаз.
— Видишь пихту?..
Сам я грелся
У неё в шатре сейчас.

Волк в шатёр ворвался шумно:
— Кто тут есть? Не верещать!
Волк здесь будет отдыхать.

Зайцу хоть бы что! — храпит.
А Лиса уже не спит.
Дрожь взяла её опять:
«Надо срочно удирать».
К выходу она сумела
Незаметно подползти
И — стрелою полетела
На свои следы-пути.

5

Темень.

И не видит Зайца

Наш таёжный хулиган.

— Ну-ка, Волк, располагайся! —

Приказал себе он сам.

Ах, давно в постели хвойной

Не лежал бродяга-Волк!

И уютно, и спокойно...

«Это что здесь за комок?

Что за тёпленькая мякоть,

Не похожая на слякоть?» —

Волк подумал, засыпая.

И, блаженство уважая,

Зайца лапами схватил

И на сердце положил.

6

Заяц понял втихомолку, —

Он от страха очумел, —

Что лежит у пасти Волка.

«Странно, что я уцелел!..»

Волк храпел, сопел невинно,

Видно, видел сладкий сон.

Заяц сжался, как пружина,

Прыг —

и на свободе он.

— Чтоб ты вечно не проснулся! —

Заяц Волку пожелал.

В непогоду окунулся,

Завопил и побежал.

7

Волк от голода проснулся,
Почесался, потянулся.
«Мне б зайчатинки сейчас
В этот непогодный час... —
Волк зевнул, стуча клыками, —
Не привык я зря мечтать.
За ветрами, за дождями
Зайца вряд ли отыскать.
Стой-ка, брат, — напрягся Волк. —
Где тот тёпленький комок,
Что в шатре со мной лежал
И меня обогревал?
Или так мне показалось?
Подвела меня усталость...»
Что там память ворошить!
Надо голод утолить.
На поступок Волк решился —
И за хвойной дверью скрылся.

8

Захватило дух у Зайца, —
Он за ёлкою стоял, —
Злобный Волк вблизи промчался
В бор кедровый, за увал.
Он далёко, этот бор,
Зайцу путь открыт в шатёр.
Здесь кругом клесты, синицы,
Снегири — лесные птицы —
Невпопад поют, шумят,
О погоде говорят.
Зайцу любо их волнение,
Их надёжное спасенье.

ЁРА

И КЕДРИК

1

Посреди забытых мест,
На сыпучей круче,
Кедрик родился на свет,
Будто ёж колючий.
Осмотрелся малышок
На ветру погожем —
Так ступает на порог,
В дом входя, прохожий.
Оглядит сначала гость
С робостью хозяев:
Не ко времени, небось,
Он явился к чаю.
Робко Кедрик вниз взглянул,
Ахнул от испуга:
— Как один я на яру
Проживу без друга?!
А волна в реке ревёт,
Ярость набирая.
Будто рысь, обрыв грызёт,
Кедрик съест желая.
И далёко бор стоит,
Хвойный бор могучий...
Даже ворон не кричит
Над сыпучей кручей.
Кедрик шепчет: «Нелегко
Жить под громом-крышей».
И не знает, что его
Мальчик Ёра ищет.

2

Доброе сердце у Ёры, ребята.
Всех от беды убережь ему надо.
Шёл он сегодня берёзовой рощей,
Голос вороны услышал истошный.
Ёра бежит что есть силы туда:
Выпал, наверно, птенец из гнезда.
Вот он, крикливый и чёрный бедняжка,
Гордо глазёнки на Ёру таращит,
Громко вопит, будто в роще пожар:
— Ёра, летать научился я, ка-р-р!
Крыльями шумно взмахнул пострелёнок,
И полетел, полетел воронёнок.
Ёра вослед ему машет рукой,
Ёра с грустинкой шагает домой:
Вновь от беды никого он не спас.
Ну, а теперь про злодея рассказ.

3

В эту чащу нет дороги:
Тут живёт свирепый, злой,
Как медведь, в слепой берлоге
Менкв¹ с совиной головой.
Только ночь зарю запрячет
И с небес звезда мигнёт,
Из своей берлоги мрачной
Менкв выходит и ревёт:
— Эй вы, птицы и зверьё!
Прочь с моей дороги!
Берегитесь, кто живёт
Близко у берлоги!
Не боюсь я никого,
Лес, как пух, развею.
Человека — и того
В драке одолею.

¹ Менкв — лесной дух, великан, разбойник.

Вдруг в чащобе замигал
Огонёк спокойный.
Будто в пасть воды набрал —
Замолчал разбойник.
Молча кулаки сжимал,
Съёжился, как туча.
Озираясь, побежал
Он к сыпучей круче.
Кедрик в это время спал.
И само собою
О беде малыш не знал.
Менкв стоял горою.
Слышал даже дальний лес
Крик его ужасный:
— Как ты очутился здесь,
Малышок несчастный?!
Это мой обрыв и край,
Нет меня могучей.
Даже вещей ворон, знай,
Не кричит над кручей.
Кедрик вздрогнул.
Страх тая,
Спорить с ним решился:
— Эта круча, зверь, моя,
Я на ней родился.
Менкв от гнева задрожал,
Заскрипел клыками,
А потом захохотал
Над его словами:
— Рассмешил ты, брат, меня,
И за это, слушай,
Так и быть, ещё два дня
Поживи на суше.
Спи пока, малыш смешной,
Я пошёл к себе домой.

4

За голубикой в лесные поляны
 Ёра спешит с туеском берестяным.
 Выйдя с тропы на большую дорогу,
 Ёра увидел на ёлке сороку.
 — Ёра, послушай скорее: на круче
 Кедрик родился, как ёжик колючий.
 Кедрик, — трещала сорока, — в тревоге!
 И рассказала она о берлоге
 И о разбойнике Менкве могучем.
 — Ёра, не смей появляться на круче.
 — В жизни, сорока, хоть раз помолчи ты, —
 Голос с тропинки раздался сердитый.
 Ёра туда посмотрел удивлённо,
 Видит: светляк с бородой зелёной
 На стрекотунью фонариком машет,
 Речь начинает и мудро, и важно:
 — Ёра, ты время теряешь напрасно,
 Слушать сороку смешно и опасно.
 Ёра, нам справиться нужно с бедою,
 Тайной одной поделюсь я с тобою.
 И в стороне от болтливой сороки
 Поговорили они у дороги.

5

Ночь. Совиный крик далёко
 Слышен рощам и лугам:
 Вышел, вышел из берлоги
 Самый страшный великан.
 Менкв идёт к сыпучей круче,
 Замер в страхе каждый лист.
 Прячутся в еловой гуще
 И медведь, и старый лис.

И сороке-стрекотунье
Нынче было не до сна:
В это злое полнолуние
Видеть всё она должна.
Схоронясь в кустах колючих,
Что у Менква на пути,
Стала сплетница за кручей
Наблюдение вести.
Смотрит:
 там, где даже птица
Не летает, не кричит, —
Будто воин на границе,
Кедрик смело в ночь глядит.
Удивляться бы сороке
Смелости его,
Как снам,
Да не время: на дороге
Показался великан.
Заслонил луну, как туча,
Менкв совиной головой.
Вдруг звездой сверкнул на круче
Огонёк один, второй...
Круча, как в грозу, искрится,
Кедрик даже алым стал.
Позабыв о Менкве, птица
В страхе крикнула: «Пожар!»

Долго хвастаться сороке,
Тараторить по лесам:
— Это от меня к берлоге
В страхе мчался великан.
И не будь меня — на круче,
Кедрик бы не жил сейчас.
Мы прервём сороку. Лучше
Сами вновь начнём рассказ.

6

Верить сороке, конечно, не надо.
Вот что случилось той ночью, ребята.
Ёре светляк рассказал, что боится
Грозный разбойник огня, будто птица.
Ёра воскликнул: «Из чащи дремучей
Надо созвать светляков всех на кручу!»
С этим счастливым заданием Ёры
Мудрый светляк обежал свои норы.
Ёра отправился к Кедрику. Скоро
Все светляки на яру были в сборе.
Ночь наступила. Округа в тревоге,
Грозно разбойник идёт по дороге.
Шлёт он проклятья раскатистым басом.
Сотни фонариков вспыхнули разом.
Тотчас злодей в бурелом свой помчался.
Весело вслед ему Кедрик смеялся.

7

Много лет прошло с тех пор.
На сыпучей круче,
Кроной радуга простор,
Вырос кедр могучий.

Никакой грозы-беды
Кедр тот не боится.
Щедро дарит он плоды
Соболям и птицам.

С облаками он ведёт
Часто разговоры.
Песни хвойные поёт
Он о друге Ёре.

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ СЛОЖНОЙ
ОГЛЯНУТЬСЯ В ДЕТСТВО НАДО,
ЧТОБ УЙТИ ОТ ИСТИН ЛОЖНЫХ,
ТО СБЕРЕЧЬ, ЧТО ДОМУ СВЯТО

* * *

*Да почему же он родился таким несчастным:
не волнует Природа его!*

Слова матери о сыне

Мы всеми в юности любимы.
Мать говорит, почти скорбя:
«Да почему же куст рябины,
Сынок, не радуется тебе?!
Ты посмотри, как он пылает!
Огонь живёт в его листьях», —
И головою мать качает,
Печаль стоит в её глазах.
Мать родилась у речки Евры
В канун крушенья тишины,
В тот самый горький, самый первый
И вероломный день войны.
Всё ей досталось: и ночное,
И ледяной озноб воды,
Светило солнце снеговое,
И низко кланялись цветы.
А сын,
 как в жизни говорится,
На белых постряпушках рос.
Ему чужда в ночи зарница,
Страду не ведал в сенокос.
Учился он.
 И пели птицы.
Я про учёбу не в упрёк...
Он главной не прочёл страницы —
Великий пропустил урок:
Природы он совсем не знает,
Такой у парня минус есть.
И понимает мать, —
 за это
Своя у жизни будет месть.

СПАСЁННАЯ БАБОЧКА

Как лист, она упала с ветки,
Упала в тень травы сухой.
Ей нужен луч живой рассвета,
Растает холодок ночной.

Я оказался на поляне
В мгновенья эти утром рано.

Она озябла ночью, видно:
Два крылышка слились в одно.
Я подошёл к ней тихо, скрытно,
Спасать — от рода мне дано.

Я это хрупкое явление
Отнёс на тёплый бугорок.
И бабочка пришла в движенье —
Похожей стала на цветок.

На крыльях охристого цвета
Шесть белых пятнышек взошли.
Она — посланец чуткий лета,
Она — мираж его души.

Она, как звук травы, взлетела,
Кружилась, радовалась, пела.

ВЫСОТА

Малинник связан паутиной,
Стоит парная духота.
Берёза в паутине синей,
И... словно в путях высота.

И если б смело захотели
Сейчас и он, и я, и ты,
То с этой вот лучистой ели
Рукой коснулись высоты.

Она зовёт всё выше, выше,
Оставив нам душистый зной...
Мальчишка в небо смотрит с крыши,
Он очарован высотой.

ЗАКАТ

Закат похож на зверя злобного —
Глаза красны и горячи.
И от дыхания морозного
В сугробы скрылись косачи.

Зевая на закат хладеющий,
Рысь растянулась на суку.
За ней — сосновый бор темнеющий,
Под нею — волки на снегу.

Мазок последний —
Строчку красную
Художник неба написал.
И ради утра в ночь опасную
Небесный свод сиял, пылал.

В БЕРЕЗОВОМ ПАРКЕ

Чайный, тонко-сладковатый
Запах вымытых берёз.

Облака берёзам рады
После тёплых майских гроз.
Снова гром —

как будто камни

Сыплются за окоём.

Прячутся лесные тайны
В дупла, в корни, в отчий дом.

Я бегу к своей квартире,
Дождь за мною — по пятам.

Кто-то во вселенской шири
Много воли дал громам.

У ПУШКИНА

Я в марте был на Чёрной речке.
Струился воздух голубой.
Горела близ поэта свечка,
Храня торжественный покой.
И небо с жёлтою луною
Светило ярко для Него.
Здесь я почувствовал душою
Ума и духа торжество.
И нету сил уйти отсюда.
Таится вечность в деревьях
И в розоватых облаках.
Идут в лучах к Поэту люди.

ГОЛУБИКА

Голубику не берут,
А доят утрами
Голубичник во бору
Чуткими руками.

Надо мною облака
И луны серёжка.
Льётся вместо молока
Ягода в лукошко.

Словно дояр поутру
Голубичник я дою.
На болоте, во бору
Тихо песенку пою:

Голубика молодые
Подарила мне леса,
Вместе с ними голубые
И весёлые глаза.

В ОСЕННИЙ ДОЖДИК

Грибы карабкаются к свету.
И, как упрямые кроты,
Обходят корни, роют хвою
И... вот смеются, как цветы.
Они к нам просятся в лукошко.
Они пришли на свет для нас...
Ведь дарит миру каждый суций
Красивый или злой рассказ.

АПРЕЛЬСКИЙ ЭТЮД

Желна кемарила¹ на ели,
Сторожких не смыкая глаз.
И перья, словно мак, горели,
Смутить нас, видимо, хотели:
Желна остерегалась нас.
Клюв набухал от звуков звучных.
Признав в нас человекa лучших, —
Знак подала желна лесам, —
Крик звонкий подарила нам.

¹ Кемарить — дремать.

ЧАГА

Ах, это звучное названье! —
Народной мудрости посев.
Деревня Чага как признание —
Души взволнованной напев.

Ищу красивые чернила,
Чтоб в город написать письмо
И рассказать девчонке милой,
Что мне живётся здесь светло.

У тех чернил есть тучек слёзы
И запах трав от вешних сил.
Беру я чагу у берёзы
Для обозначенных чернил.

У рощи белой чаги много.
Деревню роща обняла
И, видно, по веленью Бога
Названье звучное дала.

ЛОСИНОЕ БОЛОТО

Морошки до срока полно.
Пушица качается мило.
В округе известно давно —
Болото лосей приручило.
Спешат они часто сюда
К морошке и клюкве багряной.
Как дёготь, чернеет вода
Сквозь тонкую дымку тумана.
Она для сохатых не враг.
Здесь утки скорбят в непогоду.
А лоси едят натошак
Целебные травы болота.
Их манит багульник в цвету —
Почувствовать запах дурмана.
И лоси идут, как ни странно,
Потом они словно в бреду,
Как люди, качаются пьяно.
Пугая на лывах¹ утят,
Шагают к себе великаны.
На гривах², усталые, спят,
Им снится болото в тумане.

¹ Лыва — маленькое озерцо в болоте.

² Грива — узкая возвышенная гряда леса.

МЕДВЕДЬ ФЕДЯ

Тяжёлые гроздья брусники
Багряны в сосновом бору.
Тетёрки от ягод хмелеют,
Сумбурно поют на яру.

Для Феди — большого медведя —
Брусника — первейшая сласть.
Уж очень торопится Федя,
Горстями гребёт её в пасть.

Рычит на тетёрок он грозно, —
Брусника, мол, царство моё.
Уже подготовил он к спячке
Берлогу —
от стужи жильё.

Насытился так он брусникой,
Что даже не может идти.
И слёг он на ягель, икая,
Уснул на зверином пути.

Три дня он храпел беспробудно.
Проснулся от крика желны:
— Пора тебе, дедушка Федя,
В берлогу... на зимние сны.

ОБРЕЧЁННЫЕ ЛАЙКИ

*Сейчас в моде охранные собаки
иноземной породы. И некоторые
жители округа избавляются от своих
лаек жестоким способом. Они увозят
их в глухие островные места, обрекая
на верную гибель.*

Четыре собаки под яром.
Хозяина каждая ждёт.
Дождит.
И вздымается яро
Волна грозовая идёт.

Тут негде от бури укрыться,
В округе — трава и вода.
И только пролётная птица
Заглянет порою сюда.

Собаки вначале скулили,
По-своему плакали враз.
И взглядами лодки ловили,
Мгновенной надеждой светясь.

Собаки с бедою смирились.
В них теплится еле душа.
Глаза равнодушно смежили,
Они обречённо лежат.

Им видятся люди в тумане,
Которым служили они.
Ведь лайки не знают обмана,
Они нам навеки верны.

ТАЁЖНЫЙ РУЧЕЙ

К Оби он рвётся сквозь валежник,
Деревья, камни обходя.
Ведь за реку ему тревожно,
Он мчится, время торопя.

Качает Обь суда и лодки,
Бензин и нефть среди валов.
Приходится испить и водки
От бесшабашных рыбаков.

Летят в реку бутылки, банки,
И стонет матушка-река:
Ручей серебряный, пораньше
Спешу ко мне издалека.

Водой целебной и хрустальной
Ты освежи меня скорей.
На помощь к матери печальной
Летит серебряный ручей.

После ночного дождя

*Это стихотворение родилось
благодаря сыну Ване.*

Утро звонкое.
Тропинка.
Вьётся, кружит паутинка.
Посмотри, хрустальный диск
Между ветками повис.
Миллионная росинка
Круг замкнула —
И цветёт.
Диск хрустальный —
Как пластинка,
И комар-солист поёт.

* * *

Прослушивает копалуха
Сосновый бор, восторг тая.
Лиса в кустах таится тихо,
Мышонка ей вспугнуть нельзя.

Крадутся волки, цель имея.
Бежит мышонок от лисы.
Природы вечная затея
От снегопада до грозы.

На всём живом природы меты,
Её конкретные черты:
Есть люди волки и медведи,
Есть люди лоси и кроты.

БЕЛЫЙ КЛЕВЕР

Белый клевер, белый клевер
Не поёт, не говорит.
Завтра это поле Север
Холодами опалит.

В дали ветер невесёлый
Улетел, и ты притих.
Ты дарил влюблённым поле,
Был ты нежностью для них.

Словно снег нежданный, ранний,
Ты белеешь при луне.
И, качаясь, воздух пряный
Серебрится в вышине.

Завтра грянет дождь осенний.
И у тихого костра
В сердце вспыхнет сожаленье —
Белый клевер цвёл вчера.

ИЗБУШКА

Осталась вот эта избушка
Одна
 от деревни моей.
Ей посох бы дать,
 как старушке,
Чтоб шла она в гуцу ветвей.
Ей нужен покой,
 а не ругань
Заезжих дельцов-рыбаков.
Живёт без хозяина-друга,
Не ведает ласковых слов.
Ей странно,
 что песен не слышно
Вечерней порой у костра.
И смотрит печально Всевышний
На скучные эти дела.

НОЧНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Деревья кажутся большими,
Неузнаваемо чужими.
Их тени плавают, снуют
И тихо про себя поют.
Растут деревья на глазах,
Уже вершины в облаках.
На время надо им взлететь
И в небе Бога усмотреть.

Но, словно дети за подол
Хватают мать:

куда ты, мол? —

Хватают их за ветки мошки,
Синицы, белки, гномы-крошки.
За корни держат барсуки —
Ночные жители тайги.
И нету мочи им взлететь
И в небе чудо усмотреть.
«Не гните наши ветки, гномы,
Не улетим мы в царство грома,
Нам хорошо в зелёном доме».

КАЖДОМУ МЕСЯЦУ—
СВОЯ ЧЕСТЬ

В старину каждый месяц имел своё народное определение, своё дополнительное афористическое имя, данное ему человеком по делам в природе. Некоторые из этих имён я нашёл и принял к душе. Это касается декабря, января, февраля, сентября, ноября. Остальные месяцы получили имя от меня. Я, образно говоря, дал поэтическую биографию, показал оригинальность каждого месяца посредством стихов.

Январь-просинец

В январе

Заснежье.

Кедровник.

И тени.

И просинь у самых вершин.

Идёт, не тая удивленья,

Сохатый — лесной исполин.

Сквозь ветви

Лучи — как зарницы.

И просинь умыла рога.

В заснежье таинственны птицы,

И сини по склонам лога.

ФЕВРАЛЬ-МЕТЕЛЬНИК

НЕСПОКОЙНЫЙ ФЕВРАЛЬ

Февральские ветры — позёмка, метели
Бока моей лодки память захотели.
Они налетели — голодные волки,
Но зубы свои иступили — и только.
Тогда намели они снежные горки,
И лодка под ними заплакала горько.
И выплыло солнце из розовой тучи,
И ветры умчались в пихтовые гущи.
Мы с солнцем на пару колданку лечили,
Мы варом целебнейшим раны залили.
И крикнул я звонко в притихшие дали,
Чтоб с мартом они мне свой парус прислали.

МАРТ-ЧАРОДЕЙ

СУМЕРКИ МАРТА

Ночь улетает.
И разве не жалко —
В разные дали уйдём?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйду туда, в голубое свеченье,
На голубые пути.
Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.
Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолёт реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

АПРЕЛЬ — СВЕТОНОСНЫЙ, ОБНОВЛЯЮЩИЙ

В АПРЕЛЕ

На улице праздник и вербы, и снега,
Глубинное небо апреля цветёт.

А здесь,

как ведётся от первого века,

Ломает дороги зимы ледоход.

Вновь дарит апрель мой

Земле обновленье.

Он хочет, чтоб пели его соловьи,

Чтоб в каждой душе родилось воскресенье

Во имя добра

и во имя любви.

Июнь —
НАДЕЖДУ И ВЕРУ ДАЮЩИЙ

ТИШИНА

Предгрозовая тишина —
Она
Малиной дикой жадно дышит
И, непочатой музыки полна,
Идёт дорогами неслышно.
Ласкает, словно мать своих детей,
На всех путях людей великодушных.
Она укроет в бурю от дождей
И поцелуем
Плач души осушит.
Ни звука.
Пьёт малиновый настой
Земля.
Она
В тревогах поседела...
И на ресницы девочки босой,
Как бабочка, дождевка прилетела.

Июль —
ДАРИТЕЛЬ
И ГРОЗ ХРАНИТЕЛЬ

ВЕСЁЛЫЙ ДОЖДЬ

Весёлый, буйный, многоцветный
Нагринул дождь,

как сто цыган.

В пожаре роз плясали ветры,
Небесный грохотал орган.
И озарялись грозно скалы
То красным, то седым огнём.
И в странном ритме трепетали
Каштаны под густым дождём.
Смеялись люди, убегая,
Дождём застигнуты врасплох.
За море тучу отправляя,
Смеялся вместе с ними Бог.

СЕНТЯБРЬ —
ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ, ТАРОВАТЫЙ
И НА РАДОСТИ БОГАТЫЙ

РЯБИНОВЫЙ ПИР

На пир рябиновый спешите, сойки.
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока мерцают,
Как угольки костра, плоды рябин.
Пока на скрипках иволги играют...
А кто-то по тропе идёт один.
Наверно, я,
Кому же быть другому, —
Прощанье чую, вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному,
Огня рябины я у птиц прошу.
И пир горой.
И хочется с улыбкой
Обнять рябину и сказать: «Споём...»
Бей, дятел, в барабан!
Плачь, иволга, как скрипка!
На пир рябиновый мы всех зовём.

ОКТАБРЬ:

ТРИ МЕСЯЦА У ОСЕНИ — ТРИ БРАТА,
И СРЕДНИЙ БРАТ — ХОЗЯИН ЛИСТОПАДА,
НАХМУРИТ БРОВИ ОН — И ДОЖДЬ ПРОЛЬЁТСЯ,
А ЕСЛИ НА ЗАКАТЕ УЛЫБНЁТСЯ,
ТО С ГЛУХАРИНОЙ ЗОРЬКОЮ ПРОСНЁТСЯ.

В ОКТАБРЕ

Он распутан —
Клубок нашей жизни осенней.
Во-он последние нити
Моих журавлей.
Но остался твой голос —
Твоё огорченье —
Металлический шелест
Твоих тополей.

Ноябрь:
дождём умывается,
снегом велится

Ожиданье

В ноябре черна водица,
До озноба холодна.
Выдра в озере резвится,
Знает свой сезон она.
Рядом с нею в дуплах, норах —
Соболя и барсуки.
И медведь не знает горя:
Сны в берлоге глубоки.
Не слышать на зорьке ранней
Тонкой песни снегиря.
Всё притихло в ожиданье
Снега, стужи декабря.

ПОЭМЫ

ЛЕСНЫЕ

ДОКТОРА

Человеку необходимо регулярное лечение своего тела укусами муравьёв. И тогда происходит чудо: ни морщин, ни желтизны на лице никогда не будет...

Из древнейших рецептов

Муравьиными секретами пользовались в Древнем Египте, в Византии, на Руси. Все, кто лечил или лечит себя муравьями, отличаются завидным здоровым долголетием. Вспоминаю из детства: моя бабушка Матра (Матрёна Александровна) всегда лечилась муравьями. Муравьи спасали её ноги от ревматизма. И она, в 80 лет, всю жизнь занималась рыбалкой в любое время года.

Странно, что люди нынче — это относится и к таёжникам — забывают, что рядом с нами живут чародеи-доктора рыжие муравьи. Своей поэмой-сказкой я решил напомнить об этом, в первую очередь детям.

1

— Здравствуй, рыжий муравей,
Врачеватель-чародей.
— Гость любезный, добрый день,
Сядь на стул — сосновый пенёк, —
Муравей в халате белом
На тропе стоит у ели,
Зорко смотрит на меня,
Словно чем-то болен я.
Ну, а кто из нас не болен
По своей, поверьте, воле?
Человек ленив и слаб,
Он своих привычек раб.
Сторонится физкультуры
И чурается микстуры.
От уколов, смехота,
Он дрожит, как тень листа.
Ах, да что там говорить!
Надо с муравьём дружить.

2

Муравей по духу воин
И собой весьма доволен:
Думы сердца разгадал
И с улыбкою сказал:
— Говори, друг, не стесняйся
И в болезни мне признайся.
— Слушай, наш кудесник рыжий,
Ты не ведал кашля, грыжи,
Ни ангины, ни гастрита,
Кори, астмы, дифтерита,
Ревматизма ног и рук —
Ни один людской недуг,
Ни один вселенский мор,
Ни одна лесная хворь

Не коснулась, врач, тебя.
В чём секрет? Скажи мне? Я
Тайну в благо обращаю.
Ты доверься мне, прошу.
Не хочу я быть больным,
И согбенным, и смешным.
Я хочу быть молодым
В девяносто лет и в сто.
Что мне делать, доктор? Что?

3

— Есть, конечно, в деле тайна,
Речь твоя, дружок, похвальна.
Прав ты: нынче человек
Вызывает горький смех.
Муравейника боится,
Как пугливая синица.
И не ведает, что здесь
Верное леченье есть.
Право, стыдно за людей... —
Стал печальным муравей. —
Да к тому же курят, пьют,
А порой друг друга бьют.
Но за всех, смекаю я,
Нам ответ держать нельзя.
На моей лесной тропе
Речь сегодня о тебе.
Ты решился на леченье,
Я иду на откровенье.

4

Процедура такова:
Смелым стань, мой друг, сперва.
Смелость от внушенья —
Словно вдохновенье.
Присмотрись-ка сразу к ним,
Врачевателям лесным.

Как живут без суеты
При большом скопленьи,
Как уходят от беды
При лесных бореньях
Колдовской зимы с весной,
Солнца с тучей грозовой.

Летом, если нет дождя,
Осенью — метели,
Чаще приходи сюда,
К домику у ели.
Муравьев тут тысяч пять,
Не трудись ты их считать.
Каждый при работе,
Труд — навеки в моде.
Мы умеем врачевать —
В этом Божья благодать.
От укусов муравьёв
Не стони, не ахай.
Свежая взыграет кровь,
Плоть покинут страхи.
Но лицо оберегай.
А к целебной боли
Ты, таёжник, привыкай
Ради высшей доли.

5

«Лишь минуту, лишь минуту
Ты сегодня потерпи», —
Словно клятву боевую
Я внушал себе в пути.

Утро. Зорька запылала.
Дятел весело стучал.
Возле муравьиной кучи
Врач клиента ожидал.

Смелость — дело наживное.
Слово честное держи!
Стань отважным на минуту
По велению души.

Я разделся. И, ей-богу,
Вспоминал, смеясь, потом,
Как на муравьиной куче
Оказался нагишом.

Тело сладко запылало.
Месяц с неба убежал.
Я держался еле-еле,
Вроде, плакал, но стоял.

Наконец-то доктор крикнул:
— Есть минута! Выходи.
Спрыгнул в муравьях на землю,
Сердце ёкало в груди.

Муравьёв стряхнул, оделся.
Страшно кушать захотел.
Доктор мною любовался:
— Ты, дружок, помолодел!

Тело словно невесомо,
Мысль сверкнула у меня:
Если бы взмахнул руками —
Полетел бы в небо я.

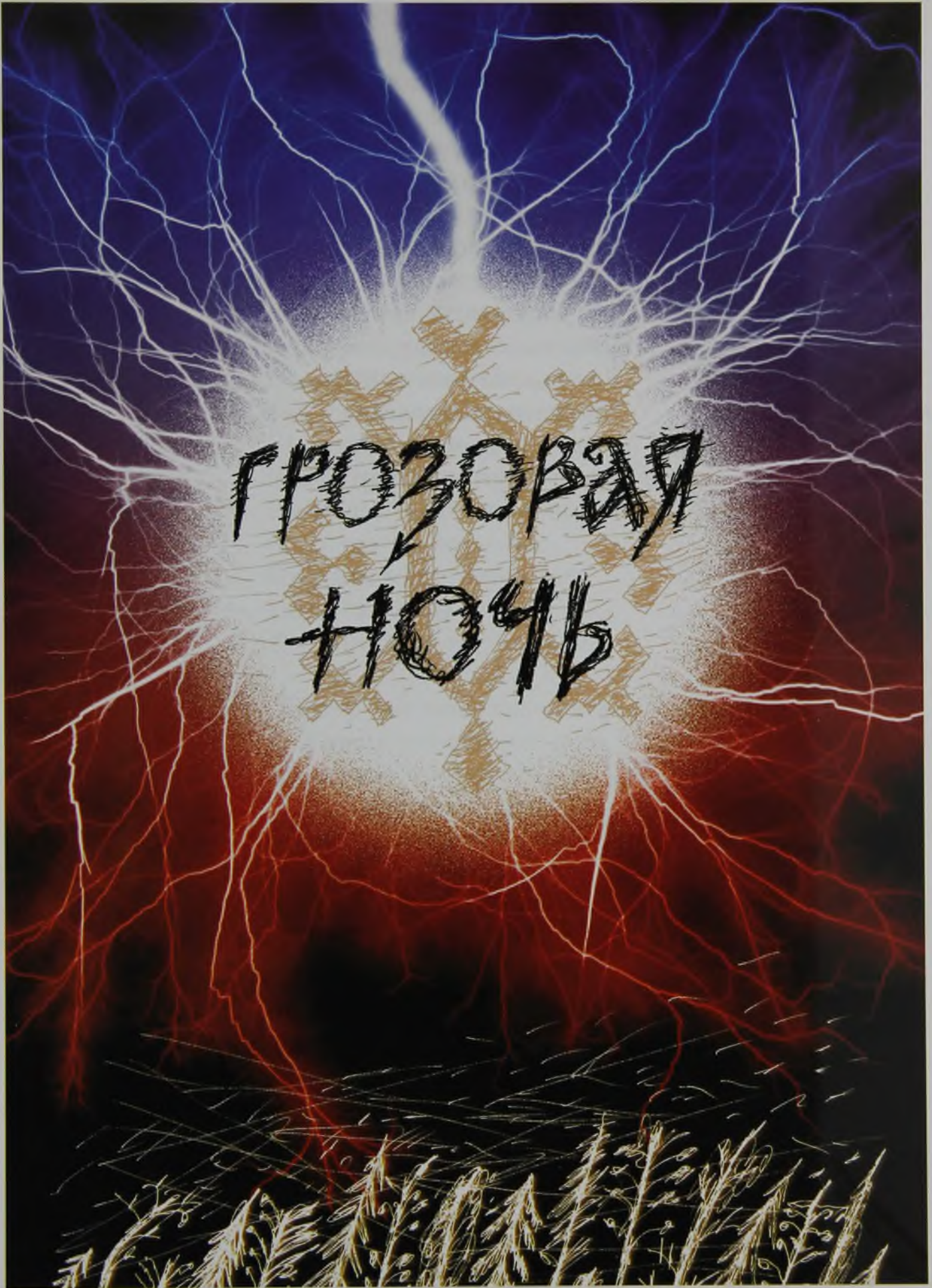
И наверно, был счастливым,
Шло сиянье из очей.
Ликовал со мною доктор —
Самый главный муравей.

— Завтра жду тебя пораньше, —
Доктор понимал меня, —
Ты готов душой для дела,
И в тебя поверил я.

На знакомую поляну,
Как всегда, ступил я рано.
Врач у муравьиной кучи
Озабоченно ходил,
Мне навстречу поспешил.
Я не видел грозной тучи,
Врач за ней, видать, следил
И сейчас мне говорил:
— Туча с градом и дождём.
Посмотри теперь кругом,
Где, скажи мне, муравьи,
Благодетели твои? —
Врач глядел светло, лукаво.
Озадачен был я, право.
Кучу тотчас осмотрел,
Ни один мураш-пострел
Не попался на глаза.
Да, виной всему — гроза.

Доктор дал мне поясненье:
— В ночь учуяли явление
Муравьи:
 случится град.
И сейчас по норкам-кельям
Смирно в домике сидят.
Мы приют найдём под елью.

Ах, пахучи ветки ели!
Нас укрыть они успели,
Застучал по веткам град:
«Как я рад! Как я рад,
Что боятся все меня! —
Скоро стихнул он: — Я, я...»

Молодой следопыт Берес из племени кондинских вогулов — манси первым поднял нож на священного зверя, шайтана, хозяина тайги Медведя. Оставаясь неприкосновенным, Медведь приносил немало бед таёжным людям.

Берес первым переступил порог тяжкого духовного страха. Он совершил подвиг, важный для него самого, для его страдающего племени.

Вогул Берес достоин памяти.

1

Седой,
Как олений ягель,
Мудрый,
Как бог,
Вежак
Проснулся.
«Моя собака
Лося видит, никак...»
Гремел под навесом крыши
Лайки свирепый рык.
Покинув лежанку,
Вышел
Тихо за дверь старик.
Сиянье зари багряной
Кинул рассвет в лицо.
Как белка-летунья, Лана
Прыгнула на крыльцо,
Скуля,
Озлобленно лая,
В мутных глазах испуг.
Вежак, собаку лаская,
Зорко глядел вокруг.
И вдруг следопыт урмана
Возле крыльца в кустах
Увидел следы шайтана.
Лапой когтистой страх
Согнул старика седого,
Словно таловый лук.
«Богатый подарок снова
Просит великий дух».

Суровый амбар шайтана
Прочно стоит века
В священном лесу урмана
На четырёх ногах.
Могучим и тесным строем
Кедры вокруг стоят.
Ведёт на крыльцо сырое
Мшистых ступенек ряд.
Открыв осторожно дверцу,
Переступив порог,
Вежак поклонился сердцем:
«Пася¹, таёжный бог».
Медведь на стене ощерил
Жёлтых зубов оскал.
Старик на колени перед
Образом духа встал,
Держа дорожную парку:
«Сердце чисто, как снег,
Прими, о шайтан, подарок —
Огненный лисий мех.
На парке узор красивый:
Пышный зелёный лес.
Глухарка неторопливо
Серьги берёзы ест.
А рядом, у трёх сосёнок,
С веток хвою кроша,
Лосиха с глупым лосёнком
Мирно в траве лежат.
Хороший узор...
Рыбачить
Завтра поеду я.
Пошли мне, шайтан, удачи,
Парка теперь твоя.

¹ Пáся — здравствуй (манс.).

Я верю тебе, священный,
Мне ты улов даёшь... »
Угрюмо дышали стены
Прелью оленьих кож,
Пылали мехами ярко.
Бусами пол мерцал.
Вежак положил подарок,
Робко и тихо встал.
Отвесил поклоны низко
Духу
И вышел вон.
Над крышей туманной, слизкой
Совы раздавался стон.
Дыхание ветра крепло,
Кедров яснился лик.
Заря золотистым гребнем
Гривы пушила их,
Гасила рукой проворной
Звёзд поредевший рой...
Старик по дорожке торной
Споро шагал домой.
Кедровник редел.
Сторожка
Млеет на бугорке.
Зелёный глазок окошка
Замер в рыбьей тоске.
Повис над избой-сироткой
Лиственниц мягкий шёлк.
Навстречу лёгкой походкой
Берес упруго шёл.
Глаза —
Цвета серой белки,
Ряженной в зимний мех, —
В глубоких и чистых щёлках
Добрый таили смех.

Спарованно брови-луки
Гнулись у двух озёр.
Вежак, улыбаясь, руки
К сыну легко простёр.
«О пася, мой Берес,
Светит
Солнцем любовь твоя.
Ну как, Расскажи мне,
Встретил
Русский купец тебя?» —
«Приказчики очень хитры.
Только купец хитрей.
Ему, ася¹, мало выдры,
Просит он соболей,
Лисиц чёрно-бурых, кожи,
Ситец, мол, дорог стал.
Торговый купец такой же
Жадный и злой шайтан».
Старик испугался даже
И говорить не мог.
«За эти слова накажет,
Берес, таёжный бог.
Не смей шайтану не верить,
Зла не имей вовек».
Смеялся Берес,
Белели
Зубы, как первый снег.

З

Глухой,
Как омут,
Кедровник.
Тихо идёт Вежак.
Гадюками злыми корни
Душат тропу в ногах.

¹ Ася — отец (манс.).

Ни птичьего свиста, пенья,
Жутко, темно вокруг.
Сторогие лоси-тени
Бродят в немом бору.
Запутались,
Будто в ветках,
Вороны в их рогах.
Тоской от видений этих
В сердце крадётся страх.
Из неприглядной ночи
Вырвался крик на свет.
Вежак встрепенулся тотчас
В предчувствии новых бед.
Глядит он,
Глазам не верит, —
Мрак не прошёл ещё, —
Трясёт его хмурый Берес
Ласково за плечо.
«Вставай, ася,
Дух явился,
Видно, к тебе сейчас:
Как филин —
Ночная птица —
Дико во сне кричал.
Заря полыхает ярко,
В лес мне пора теперь».
Уверенным быстрым шагом
Вышел Берес за дверь.
Вернул сновиденья ночи
Двери тяжёлый стук.
«Беда! Рассердился очень
Из-за Береса дух.
Хороший подарок надо
Шайтану отнести,
Иначе улов богатый
В сети нынче не жди.

Иль может случиться горе:
Духа
Был злобен лик».
С тремя соболями вскоре
Дом покинул старик.

4

Темнее черники спелой
Тучи,
А в них горя
Полоска заката рдела,
Будто бровь глухаря.
Порывистый, сильный ветер
Влагою напоён.
За бором кедровым где-то
Глухо ударил гром.
Раскаты его услыша,
В сердце боязнь тая,
Встревоженно Берес вышел
Из своего жилья.
«Стрелу громовую Торум
Будет весне дарить,
Людей, раздающих горе,
Станет весна казнить.
В урмане теперь и птица
Может попасть в беду.
Пока далеко искрится,
В лес за отцом пойду...»
Сияние молний белых
Давит, как страх, виски.
Прожорливо Лану съела
Чёрная пасть тайги.
Спешит, торопится Берес, —
Торум сердит в грозу.

Как волны о дальний берег —
Ветер шумит в лесу.
С разливистым гулом грома
Грозный лесной прибой
Принёс до боли знакомый
Ланы протяжный вой.
В дремучую темень бора
Лай собаки зовёт.
С тревогою в сердце споря,
Берес туда идёт.
При белом пожаре молний
У громадного пня
Охотник увидел бродни
И кровавый сосняк.
От смутной догадки Берес
К слёзной земле приник.
Из чащи раздался зверя —
Духа лесного рык.
Видать, в грозовом урмане
Бересу мёртвым лечь.
Но с яростью дикой Лана
Прыгнула зверю встречу.
Шайтан, разъярённый, близко.
Лана висит на нём.
От лютого рёва, визга,
Кажется, стихнул гром.
Сейчас не хватает взмаха
Друга дорог — ножа.
Но Берес, объятый страхом,
Бросился прочь бежать.
Не слышит раскатов грома,
Торный теряет путь,
И крики, и злые стоны
Изрешетили грудь.
Притихла в ногах дорога,
Гром на минуту стих.

Услышал беглец далёко
Ланы прощальный крик.
С мольбой и печалью злою
Берес на землю пал.
«О, Торум, с новой бедою
Час расплаты настал!
Сегодня своей рукою
Духа тайги убью.
А если вина за мною —
Ярость приму твою».
И вспыхнуло небо ало.
Берес закрыл глаза.
Но сбросила в гулкой дали
Стрелы свои гроза.
С невиданной силой хлынул
Снова на землю дождь.
Охотник из ножен вынул
Длинный и ловкий нож.

5

С прищуренным взглядом Берес
Молча идёт назад,
Туда, где под лапой зверя
Лана с отцом лежат.
Идёт он.
Готов для взмаха
Не подводивший нож.
Идёт он.
Но силы страха
Руку бросают в дрожь.
И небо молнии мечет,
Хочет разжечь костры.
И ветер несёт навстречу
Духа свирепый рык.

Он тучею грозовою
Вылетел из кустов.
Повиснул над головою
Береса
Лязг клыков.
Передние лапы зверя
Сверху хотят упасть.
Но сунул мгновенно Берес
Локоть в душную пасть.
Блеснул громовой стрелою
В воздухе прыткий нож.
«Хозяин тайги, с бедою
Ты от меня умрёшь!»
И грома не слышно даже —
Так заревел шайтан.
И тут же от лапы страшной
Берес на землю пал.

6

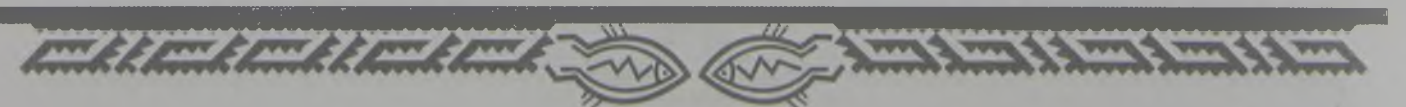
Гроза бушевала яро:
Гнулись в дугу стволы,
О берег крутого яра
Тяжко бились валы.
Спадали в обрыв лавиной
Шумно дожди-ручьи.
И были от красной глины
Волны реки в крови.
Попрятались птицы, звери
От ударов огня.
Летели в реку деревья,
Судьбы свои кляня.

Густела заря.
Светало.
Не шелохнёт урман.
В ручье дождевом и алом
Замер лютый шайтан.
У лап великана зверя
В радужном сосняке
Согнулся устало Берес
С красным ножом в руке.
На лоб с говорливым звоном
С веток бежит роса.
Охотник с тяжёлым стоном
Трудно открыл глаза.
Он еле радости верит —
Умер таёжный бог...
Шатаясь, поднялся Берес,
Превозмогая боль.
И над тайгою взлетели
Солнечные лучи,
И брачную песнь запели
На току косачи.
Заговорили деревья,
Птиц разносился гам.
Вздохнув,
Улыбнулся Берес
Золотокрылым лучам.

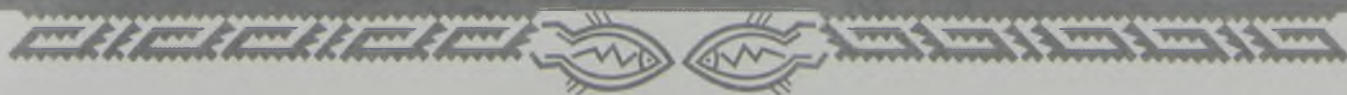
КАПИТАН ДЕТКИН

*Повесть для детей
среднего и старшего
школьного возраста*

*С благодарностью и любовью
посвящаю эту повесть землякам,
участникам Великой Отечественной войны —
живым и павшим в боях.*

Автор

Пролог

Взгляд в прошлое

По степи, ярко мерцающей и притягивающей к себе всё живое своими цветами, шёл танк, чужой, фашистский. Он то исчезал в сиреновом мареве, то снова появлялся. И тогда ветер доносил запах бензина и глухой, угрожающий голос железа.

Похожий на большую неуклюжую ящерицу, Василий полз навстречу танку. В какие-то моменты он казался Василию призраком, явлением сна. Веки слипались. Боясь заснуть, матрос останавливался и, став на четвереньки в густой дурманной траве, сильно тряс головой. Дремота уходила. Но минуты через три она вновь возвращалась, пытаясь прижать к земле, остановить движение. Хотелось спать, спать. Ведь четыре дня, четыре ночи непрерывного боя! И уснул бы, наверно, Василий, если бы не взрывы гранат, которые будили его сознание, толкали в спину. Там, позади, в траншее, дрались его товарищи из батальона морской пехоты. Этот немецкий посланец появился с тыла. И Василий Деткин, двадцатилетний черноморский матрос, вооруженный единственной связкой гранат, должен остановить, уничтожить танк.

Веки смежились, и тело блаженно приникло к земле. Нет, это был не сон, а короткое забытьё. И почудилось Василию: кто-то чёрный и громадный загремел над ним железом. Василий пришёл в себя. Глянул поверх травы и... увидел танк, близко, на расстоянии пяти метров. Танк стоял. Откинулся люк башни. «Вот она... моя минута!» — прошептал матрос. Он вскочил и, примерившись, кинул в зев башни связку гранат. Полыхнул взрыв... и осталось в памяти Деткина от этих коротких отчаянных минут ярко-рыжее пламя — и всё. Наступил мрак.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СХВАТКА

...«Как я тогда до своих добрался? Ума не приложу. — Василий Алексеевич Деткин вздохнул. — Контуженный, раненый... А дошёл. Не подвёл я товарищей боевых. Вот где корень... потому, видно, и вспоминается часто этот случай».

Деткин встал с рундука¹ и в чём был — в тельняшке и лёгких спортивных брюках — вышел из каюты на палубу катера. Вахту нёс механик Роман Мохов, высокий, смуглолицый, с насмешливым взглядом парень.

Перед Романом на штурманском столике лежали фуражка капитана и старый морской бинокль на потрепанном ремешке.

Деткин зашёл в рубку:

— Здорово, Роман.

— Здравия желаю, товарищ капитан.

— Ну, моряк, — Деткин дружески положил руку на плечо механика, — что там на обских просторах?

— Штиль, капитан. Полный штиль на воде и... в груди, — Роман улыбался весело и озорно.

Деткин рассмеялся:

— Эх, ясное море! После города душевный штиль тебе полезен. Небось, подружек навестил в педучилище?

— Навестил. Учился же с ними... Как родные стали...

— А не тянет обратно?

— Теперь моя любовь — вот эта стихия, Василий Алексеевич, — Роман кивнул на воды реки.

После десятилетки и армии Мохов поступил в Ханты-Мансийское педучилище, на музыкальное отделение. А через год, к удивлению родителей и друзей, оставил его и поступил в ГПТУ, откуда попал на катер Деткина.

Василий Алексеевич надел фуражку, бросил на Романа внимательный тёплый взгляд. По душе Деткину этот смелый и толковый парень. В работе, в плаванье механик — правая рука капитана. «Моряком растёт», — давно решил про себя Василий Алексеевич. Взяв бинокль, Деткин вышел на палубу.

В морской бинокль он придиричиво рассматривал берега Оби. Правый — пологий берег — в зарослях курчавого тальника. Левый — в лесах, крутой, угрюмый.

¹ Рундук — большой ларь с крышкой, в данном случае походный.

Палуба катера «Марс» зыбко дрожала, вибрировала. Босые ноги капитана чувствовали упругий трепет металла. В эти минуты катер казался Василию Алексеевичу живым существом. «Будто на дельфине качу», — мелькнула у него озорная мысль, и, улыбнувшись этой мысли, он опустил бинокль на широкую грудь, обтянутую полинявшей, постаревшей от воды и ветров тельняшкой.

У Деткина обветренное, кирпичного цвета лицо, крупный нос, серые острые глаза. Новая чёрная фуражка с крабом сидела набекрень, почти закрывая левый седой висок. И когда капитан опускал бинокль, то его лицо (Роману оно виделось в профиль), вдохновенное, устремлённое вдаль, казалось молодым. Вот, наверное, таким знали Деткина его товарищи в батальоне морской пехоты в дни обороны Севастополя.

Опустив бинокль, капитан минуты две всматривался вдаль, словно увидел там силуэт родного боевого корабля. И нет уже его. Но сердце сразу не успокоится. И Деткин всё смотрел на трепетный горизонт.

— Эх, ясное море!.. — вздохнул Василий Алексеевич и, загрустивший, спустился в каюту. Неофициальный выход капитана на палубу закончен.

После завтрака — время на уборку судна и короткий отдых. И Деткин делал служебный обход, заглядывая в каждый угол. Любил порядок капитан. И потому на катере всё было на месте, под рукой. Чистота и аккуратность стали нормой.

Солнце начало на кромке горизонта свой утренний танец. В это время на палубе появился моторист-рулевой, он же повар, Пахомыч — рыжий, среднего роста здоровяк. Полное имя его Новомир Пахомович Тюрин. Но его сразу стали звать Пахомычем. Предупредительный Деткин разъяснил по-дружески Тюрину:

— Ты не обижайся, брат. Пахомыч — крепкое слово. Звучит солидно и приятно.

У Пахомыча круглые карие глаза с белесыми ресницами, рыжие конопушки в пряталки играют на лице; плечи покатые, литые, борцовские. А кулаки словно гири. По характеру же — он флегматик, добряк, мухи не обидит.

В прошлый рейс, когда Деткин и Мохов вступили в схватку с браконьерами, повар так и не принял сторону товарищей, так и не помог им. Те вернулись на катер с синяками и шишками.

— Что, струсил, заячья душа?! — грозно спросил тогда повара капитан.

— Да пойми же, Василий Алексеевич, — оправдывался Пахомыч, — не могу я на человека поднять кулаки.

— А если он преступление творит?

— Значит, рассердить меня надо, чтоб я его в чувство привёл.

— Огорошил ты меня, брат, — нахмурился капитан. — Да пока ты рассердишься, тот из ворованного леса избу построит и тебе, простаку, за три цены продаст.

— Нет, не рассердясь, не поднять мне руки, — вздохнул Пахомыч.

Такой разговор случился тогда между Деткиным и поваром.

— Иди, Роман, завтракать, — сказал Пахомыч, войдя в рубку, — капитан в камбузе ждёт тебя, как барышню.

— Погоди-ка, — штурвальное колесо замерло в руках. Механик встревоженно всматривался в заросли березняка, рябинника и цветущей черёмухи. Из этой зелёной чащи поднимались струи чёрно-рыжего дыма.

Катер «Марс», тянувший за собой небольшую баржу-наливнушку, шёл сейчас возле Лосинога распадка¹ — живописного уголка на Оби. Глубокий залив прямо от реки брал курс влево, в луговину, которая переходила в лесное болото. На болоте частые гости — лоси. В заливе — стерлядь, нельма. Распадок — лакомый кусок для браконьеров.

— Зови капитана, — бросил Роман повару. — Я приваливаю катер к берегу.

Деткин, увидев дым костра, смекнул: дело здесь нечистое. Рыбалка в эту пору запрещена, охота тоже. Зачем честному человеку в черёмушник прятаться? Длинный чуткий нос капитана вбирал запахи тайги.

— Мясо варят, — уверенно определил Деткин. — Похоже, лосятиной балуются. Эх, ясное море! — досадливо покачал он головой и широко раскинул руки. — Человеку бы песни петь — черёмуха цветёт! А он лукавит, зло творит...

— Приваль! — крикнул он Мохову.

Капитан первым сошёл по трапу на галечник. Добротные, на толстой подошве ботинки чуть поскрипывали. Рабочий китель застёгнут на все пуговицы. Фуражка с крабом, как обычно, лихо сдвинута на висок. Вид имел бравый и решительный.

Роман, играя сильным и гибким тросом, разминался: приседал, боксировал. Пахомыч хмурился. Ему явно не по душе затея капитана. Деткин это понял, пошутил:

— Тебе, Пахомыч, сердиться не хочется?

— Не хочется, капитан, — по-детски признался тот. — Ну зачем лезть на рожон! Не наше это занятие в чужие дела влезать.

Глаза Василия Андреевича сощурились:

— Я всегда, Пахомыч, боялся равнодушия. Равнодушный человек — самое опасное существо на свете. Будешь при катере. Так и быть — оставлю тебе двустволку на всякий случай. Вдруг сюда побегут. А ты им: «Хенде хох!»

¹ Распадок — мелкая ложбина, обычно у реки.

Пахомыч молчал. Деткин и Роман исчезли в зарослях берегового ивняка и смородинника. Вышли к большой поляне. Пылает костёр. Возле него — браконьеры. Четверо. Чувствуют себя в безопасности, вольготно. Дурачатся, хохочут вовсю.

Удобное место — эта поляна. Кроны молодых кедров надёжно закрывают её с реки. Вокруг густые заросли черёмухи и рябины. Падай в моторную лодку по тревоге — и нет тебя, укроет залив в своих протоках от любой погони.

Над костром, на берёзовой палке — чёрное от копоти ведро. В воздухе — аппетитный запах свежего варёного мяса.

— Ах, вкуснятина... — Роман притворно закрыл глаза. — У меня аж слюнки текут, Василий Алексеевич.

— Не раскисай. А глаза востри: где что лежит, — также шёпотом говорил Деткин. — Может, ружьё, может, рога...

Они стояли за кедром. На той стороне поляны полулежали на фуфайках два бородача, курили у костра.

Длинноногий, в плоской цветастой кепке, бросал в ведро специи. Напарник — смуглый, с короткими усиками и с пяточком плешины на курчавой голове — снимал деревянной ложкой пробу. «Грузин», — определил Деткин.

— Ружьё! Ружьё засёк я! — засуетился Роман.

— Тихо ты! — капитан опустил на колени. — Где?

— За спиной... вон того, бородатого, что слева.

— Вижу, Роман, — хмурость прошла с лица Деткина. — Это, брат, наш козырь, наша улика, ружьё-то. А коли так, что смекаешь?

— Забрать его надо, незаметно...

— Верно, Роман. Разведчик в тебе сидит.

— Давайте я, Василий Алексеевич, попробую?.. Ужом проскользну.

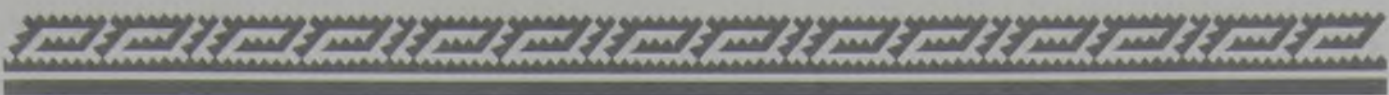
— Валяй, — согласился капитан.

Обитатели поляны готовились к роскошному пиру. Грузин занялся сервировкой стола: расставлял на брезентовом плаще стаканы, кружки, эмалированные тарелки, сноровисто открывал складным ножом банки с маринованными огурцами и помидорами.

Длинноногий взял в руки тряпку — пора снимать ведро. Один из бородачей лежал на спине, смотрел в густую синь неба. Там, в вышине, кружили четыре коршуна. Бородач, видимо, спал.

А хозяин ружья был явно встревожен: он пристально вглядывался в заросли, прислушивался к звукам. Видно, выдал себя Роман.

Треск сучка под ногой Мохова прозвучал как выстрел. И хотя бородач ухватился за ружьё и вскочил, преимущество было на стороне нападающего. Роман размахнулся — и бородатый детина, цепляясь за воздух, упал на спину длинноногого. Тот выронил ведро, которое снимал с палки, и плюхнулся в разлившееся варево. Заорал.

Второй бородач, проснувшись, недоумённо хлопал глазами. Грузин, оглянувшись на крик, увидел опрокинутое ведро и захохотал:

— Да не оскудеют наши вёдра! — Но тут же осёкся: через поляну с ружьём бежал незнакомый парень и кричал:

— Ура, капитан! Ружьё наше!

Деткин, соблюдая военную тактику, не показывался. Торопливость Романа спутала его планы. И он выжидал: или зубы свои противник покажет, или дёру даст.

Роман упал от подножки бородача, хозяина ружья.

— Молодец, Вадим! Герой, Вадим! — хлопал в ладоши грузин, приплясывая.

— Ризо, на помощь! Горю! — хрипел длинноногий, стоя на корточках. Скинув рубашку, он смазывал обожженную грудь сырой землёй. Его цветастая кепка валялась под ведром.

— Ну что, голубчики, воевать будем или по-мирному всё решим? — строго и громко обратился капитан к браконьерам, потрясая ружьём.

— Кто ты такой, чтоб командовать? — бородач Вадим зло и непримиримо смотрел на Деткина. — Верни ружьё, а то примешь форму краба.

Второй бородач и грузин засмеялись. Длинноногому было не до смеха. Он стонал, охал, проклинал непрошенных гостей.

— Ты кому это угрожаешь, несчастный?! — шагнул к Вадиму Роман. — Капитан на танки ходил, а ты...

— погоди, Роман, — остановил его Деткин. — Это борода моряков не знает, вот и сыплет словами, как осенняя берёза листьями.

— Пусть дома сидит, коли он такой заслуженный, — сердился второй бородач, — а не вмешивается в чужие дела.

— Для меня чужих дел в тайге нет... Особенно в эту пору, — нахмурился Деткин.

— Покажь документик свой, капитан? — вкрадчивым голосом сказал грузин, протягивая руку. — Начальник без документов не ходит.

Ёкнуло сердце у Василия Алексеевича. Только сейчас он вспомнил, что осталось его удостоверение внештатного охотинспектора в парадном кителе, на катере. Но делать нечего. Надо вести соответственно служебному положению разговор.

— Моё инспекторское удостоверение на катере. Пойдёмте туда.

— В ловушку заманиваешь, краб? — Вадим стремительно бросился на Деткина. Но капитан был начеку. Приклад ружья пришёлся Вадиму в живот. Тот, согнувшись, упал на колени. Роман, сбитый с ног, крутился на земле волчком, отбиваясь руками и ногами от второго бородача и длинноногого. Размахивая берёзовой жердью, к Деткину бежал Резо. Ругаясь, поднялся Вадим. Понял капитан, что попали они с Моховым в беду.

И вдруг совсем близко, в кустах, гроыхнуло два ружейных выстрела.

— Пахомыч, сюда! — что есть силы закричал Деткин.

Затрещали кусты, и на поляну ворвался взъерошенный и запыхавшийся Пахомыч с двустволкой в руках. Браконьеры быстро поняли: надо уносить ноги. Бросив жердь, со скоростью чемпиона-спринтера помчался к заливу Резо. За ним ринулись остальные.

— Пахомыч, за мной! — скомандовал капитан и... остановился, удивленный. На пути браконьеров стоял, поджидая их, какой-то мужчина. По одежде вроде рыбак: короткий брезентовый плащ с капюшоном, зелёные брюки, заправленные в высокие болотные сапоги, сам коренастый, плотный. Мужчина властным движением руки остановил Резо и распахнул плащ. Было видно, как сникла голова грузина.

— Кажись, охотинспектор, — сказал подошедший Мохов.

— Идите на катер, ребята, — приказал капитан. — Я сам тут всё улажу, — и взял двустволку у Пахомыча. Ружьё Вадима он тоже прихватил с собой.

Видит Деткин: обернулся Резо к своей троице и что-то сказал. Те, как зайцы, сыпанули в кусты.

— Стой! Стрелять буду! — капитан с ружьями (одно в руке, второе — на плече) ринулся вслед за беглецами.

— Василий Алексеевич! — прервал его громкий насмешливый голос. — Они уже в надёжных руках.

Деткин остановился.

— Дмитрий Георгиевич! Вот не ожидал! — воскликнул он, признав в незнакомом мужчине начальника Окружного отделения БХСС майора Сухина.

— Ну, наши-то пути скрещиваются, — сказал майор. — Шумную компанию подарил ты мне, Василий Алексеевич.

— Шумную, верно, — вздохнул Деткин и пожаловался, кивнув на грузина. — Вот... хотел меня жердью шарахнуть.

— Эти многое могут... Потом спешат скрыться, замести свои следы. — Сухинов строго посмотрел на притихшего Резо, сказал: — Идите на катер.

Грузин ушёл.

— Дмитрий Георгиевич, а что грузин сказал своим приятелям?

Майор улыбнулся:

— Он думал, что я один, — вот в чём штука! — и говорит: чего, мол, уши развесили? Бегите! Одного меня хватит.

Сухинов и Деткин, смеясь, спустились на берег к милицейскому катеру. Браконьеров уже сопровождали в каюту. Две их лодки, зачаленные к бортам судна, покачивались на зыбких волнах залива. Капитан передал браконьерское ружьё майору.

— Трёх лосей завалила эта компания, — прощаясь с Деткиным, говорил Сухинов. — А ведь не пошуми ты, проскочил бы я мимо... На свой сигнал спешили. Так что благодарность тебе, Василий Алексеевич, от нашей службы.

— Да какая там благодарность, товарищ майор! — отмахнулся Деткин. — Выговор мне надо. Оплошку дал. И получилась Бородинская баталия.

ВТОРАЯ ГЛАВА

В СТАНЕ ОЛЕНЕВодов

В пункт назначения — в поселок нефтеразведчиков Раздольный — судно Деткина пришло на третьи сутки после встречи с браконьерами, ночью. Молодой труженик-посёлок спал. Два подъёмных крана выгружали с барж буровые трубы, блоки с кирпичом. Неподалеку, у балков, слышался смех, играла радиола. По берегу ходили влюблённые парочки, отмахиваясь от комаров пучками свежих берёзовых веток.

— Спать, братцы, спать, — сказал капитан своей команде. — Меня не теряйте. Ни свет ни заря буду в конторе.

Начальник Раздольнинской нефтеразведочной экспедиции Егор Максимович Фирулев, коренастый, подвижный, встретил Деткина удивлённым баском:

— Экий ты, брат, ранний. Семь утра. А ты словно тёплую ванну успел принять — свежий, молодцеватый...

— Я утрами, Егор Максимович, речную ванну принимаю. И тебе советую. Бодрит на весь день — Деткин сел в предложенное кресло и, сняв фуражку, положил её на колени. Пригладил рукой пышные седеющие волосы.

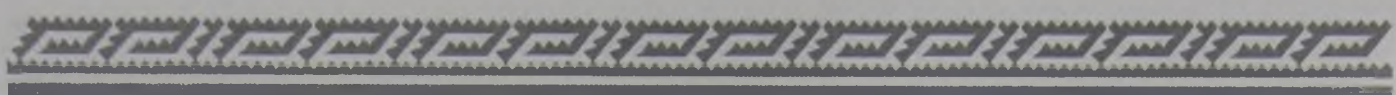
Егор Максимович ходил по кабинету:

— Пока бодрости без допингов хватает, Василий Алексеевич. Народ валом валит. И каждому надо жильё дать, накормить сытным обедом. И план надо выполнять... Так что... забот полный короб. И Блока вспомнишь: «Покой нам только снится...»

Егор Максимович подошёл к своему рабочему столу, достал какую-то бумагу из красной папки и, посмотрев в неё, сказал:

— Послушай, Василий Алексеевич, как ты умудрился два дня сэкономить? По графику твой приход — утро 13 июня, а сегодня 11-е.

— Всё верно, Егор Максимович, — Деткин положил фуражку на подоконник, встал. И заговорил горячо, жестаами дополняя свои мысли: — Эвон у Оби какие мысы, пески! Пока огибаешь один такой мыс — и солнце к закату. А я высмотрю знакомую проточку и — шмыг в неё. Вода-то в них весенняя приливная, живая... Иду, ход хороший. Конечно, риск есть. Но кто не рискует, тот в генералах не ходит. Эти протоки и подарили два дня. Такая арифметика, Егор Максимович.

— Есть хватка, есть, но... — начальник покачал своей большой взъерошенной головой, нахмурился было, вкладывая в это «но» свой определённый смысл, и неожиданно выпалил: — Дарю эти два дня. Отдыхайте! Заслужили. — И, положив руки на плечи Деткину, добавил дружеским тоном: — Театров в посёлке нет. А посему бери-ка, Василий, мой полуглиссер и лети к своему дружку-оленеводу. Костёр. Оленина. Эх! — глубоко вздохнул Егор Максимович. — Сам бы с радостью поехал, да, видишь... Как путями связан...

Капитан шёл быстрым строевым шагом, напевал:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Дела в конторе закончены. Горючее он сдал по накладной, как положено. Теперь с лёгким сердцем можно ехать в гости. Вот удивится Степан! Считай, год не виделись... Как поживают его олени?... А Егор-то, Егор Максимович каков! Душа человек...

Мохов и Пахомыч надраивали швабрами палубу. Услышав песню, улыбнулись друг другу.

— Кажись, капитан ордена несёт.

— Ну, орлы, пляшите! — Деткин раскинул руки, готовый сам пуститься в пляс. — Два дня отдыха и полуглиссер к нашим услугам.

— Ура! — раздалось в ответ.

Оленевод Степан Елушкин жил в десяти верстах от Раздольного, в таёжной деревеньке Варбор.

Спрыгнув с полуглиссера на берег, Деткин увидел Варвару, соседку Елушкина, тихую молодую женщину. Она полоскала на дощатом мостике бельё. Подошёл.

— Добрый день, Варвара. Дома Степан?

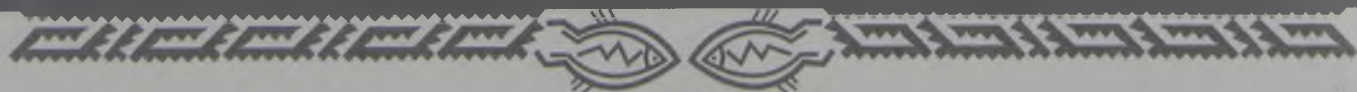
— Нету его, Василий Алексеевич. Нету. Ушёл с олешками к Чёрному мысу. Там ищите.

— Да где ж его там искать, в болотах? — растерянно развёл руками Деткин.

— К охотоведу сходите, он знает дорогу, — посоветовала Варвара.

Охотоведа звали Михаилом. Молодой, но себе на уме. Еле втроём уговорили его помочь разыскать стан Елушкина.

Чёрный мыс — это тёмная высокая гряда кедрача на пути реки Аган. Она выгибалась вдоль этой гряды, обходила её и снова прижималась к песчаному лесистому яру, но только уже с северной, с обратной стороны гряды. Вот и получился длинный Чёрный мыс (издали кедрач всегда чёрным кажется).

Углубились вчетвером в лес. Впереди охотовед Михаил. Шли молча. Какой в тайге разговор! В лесу надо воздух слушать. Всё примечать. Таков неписанный закон таёжника. Вышли к болоту.

— Здесь переход, — охотовед кивнул на жидкий настил из полузатопленных сосновых и берёзовых жердей. — Перекурим и... потопаем.

Эта своеобразная тропа вела через топь на ту сторону, в сосновый бор. Болото пузырилось, шипело.

— Ну и местечко, — поёжился Пахомыч. — Черти, что ли, копашатся? Эва все движется и колышется.

Охотовед курил папиросу и неотрывно смотрел в бор, словно выискивал что-то взглядом. И показалось наблюдательному Деткину — мыслит что-то про себя Михаил: странная усмешка стояла в уголках губ. «Темнит, темнит охотовед, ой, темнит», — подумал капитан.

К Михаилу подошли Мохов и Пахомыч. Теперь они дымили втроём. Деткин сторонился табачного зелья с детства. С той поры, когда он, пятиклассник, взял однажды предложенную ему папиросу и втянул в себя сладковато-пахучий дым. И поперхнулся. И голова закружилась. Бросил он эту проклятую папиросу. И даже, помнится, ботинком на неё наступил.

Стояло полуденное затишье. А на той стороне подозрительно подрагивали ветки сосенок, словно чьи-то чуткие руки осторожно отводили ветки в сторону и тут же отпускали их. «Следят за нами, клянусь морем, следят», — уже не сомневался капитан.

Болото окаймляли приземистые зонтикообразные сосны и длинные, странной формы кедры. Вершины кедров напоминали облинялые, морщинистые шеи старых глухарей — они были почти голые с редкими пупырышками — следами старых сучьев. А понизу кедры широко расстилали тёмно-зелёные ветви. Деревья росли в зоне лесотундры.

Охотовед взял в руки берёзовую слегу-шест (тут лежало девять слег) и с нарочитой весёлостью сказал:

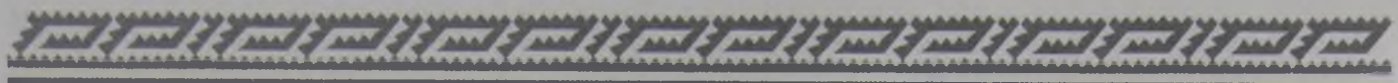
— Берите, мужики, слегы, и... не дай бог вам оступиться. Говорят, под этим болотом ад находится. Прямо в кипящий котёл угодите, — и наступил на зыбкий настил.

— Нашёл кого пугать! — пренебрежительно усмехнулся Мохов. — Что мы — болот не видели?

— Шутник ваш охотовед, — Деткин выбрал слегу подлиннее и, пропустив вперёд себя Романа и Пахомыча, пояснил: — Замыкать буду для страховки.

Продвигались осторожно, тяжело. Всхлипы болота, чваканье грязи, усталое дыхание — эти звуки казались вечными. Донимали комары.

Зеленовато-рыжая шкура болота, со множеством грязных прорех, колыхалась. Путники словно потревожили какое-то допотопное чудовище. И оно, недовольное, пускало газы, урчало, злилось.

Первым на твердь соснового бора выбрался Михаил. Уперев руки в бока, широко расставив ноги, он стоял с важностью полководца, выигравшего сражение.

— Веселей, мужики, веселей! — торопил он.

Здесь, у болота, густая стена сосняка. Пройдя его, путники попали в светлый, сквозной ягельный бор. И, словно из-под земли, перед ними появились два оленевода-ханты. Они радостно улыбались, приветливо похлопывали удивлённых гостей по спине и плечам, приговаривая:

— Ань торово! Ань торово! — Здравствуйте! Здравствуйте! Живы, целы? Хорошо, хорошо!

Михаила, как старого знакомого, обняли.

Выглядели оленеводы живописно: у всех непромокаемые короткие куртки из оленьей кожи, отороченные беличьим мехом; на старинных — с медными пряжками широких ремнях — ножи в деревянных ножнах и амулеты — медвежьи клыки и когти; ноги одеты в лёгкие, удобные для ходьбы бродни. В таких броднях охотник к любому зверю бесшумно подойдёт.

Младший по возрасту оленевод Сергей, познакомившись с Деткиным и его товарищами, скромно отошёл в сторону, с нескрываемым любопытством рассматривая гостей. Грудь Сергея перепоясывали два патронташа: в маленьких открытых ячейках их уютно сидели патрончики для мелкокалиберной винтовки, третий патронташ — для ружейных патронов — висел на поясе.

— А винтовка где? — спросил Сергея Пахомыч.

— Гости встречаем — зачем винтовка? — ответил за Сергея Кирилл Иванович, старик с седой курчавой головой, маленький, проворный. Он успевал везде: то ремень рюкзака поправит у Пахомыча, то, посмеиваясь, перебросится парой слов с охотоведом. А сейчас рядом с Моховым оказался. И, заглядывая ему в глаза, сказал:

— Непостоянный характер у тебя, парень. Глаза зелёные.

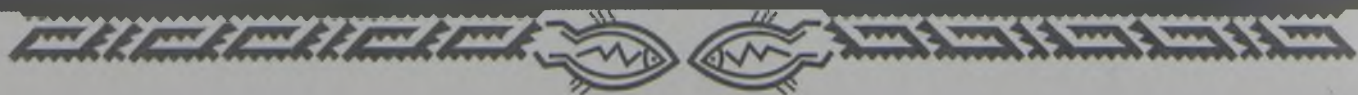
— Примета, что ли? — удивился Мохов.

— Всё от природы идёт, — наставительно говорил оленевод. — Она — мать и учитель. Кто имеет в природе зелёный глаз — неожиданные поступки делает...

Подошёл Деткин, спросил о Степане. Выяснилось: Елушкин уже второй день находится в оленьем стаде, сегодня вечером должен прийти.

— Как говорят русские, милости просим к нашему шалашу, — радушным жестом Кирилл Иванович позвал гостей к чумам.

Чум — походное жильё оленевода. Он быстро ставится и в считанные минуты разбирается. Сосновые или берёзовые жерди, оленьи шкуры, длинные, из оленьей кожи ремни — вот и весь строительный материал, из которого вырастает чум. В здешнем бору жило три семьи, у каждой — свой чум.

Собаки не лаяли, а только настороженно посматривали на гостей.

И опять удивился Пахомыч. В его родном посёлке под Ленинградом, где прошло детство, появился только незнакомый человек — собаки поднимут такой тарарам! — всех жителей поднимут на ноги. И потому спросил у Кирилла Ивановича:

— Учёные, видать, помалкивают?

— Пустолаек не держим, — был ответ.

У жены Елушкина, Натальи Павловны, смуглое, почти тёмное лицо, твёрдые скулы и синие глаза. Она обрадовалась Деткину:

— Здравствуйте, Василий Алексеевич... дорогой наш гость. Вчера вас вспоминали. Располагайтесь.

У чумов стояли толстые сосновые чурбаки, заменяющие табуретки. Деткин устало опустился на чурбак.

— Не грех и отдохнуть после этого чёртова болота... Неужто эта тропа единственный путь сюда? — Василий Алексеевич внимательно посмотрел на Елушкину.

— Вы свой человек, Василий Алексеевич, вам можно открыть тайну, — помолчав, сказала Наталья Павловна. — Есть ещё одна тропа. В бору. О ней знаем только мы. И слава Богу! Иначе покоя не знали бы: столько кругом геологов!.. И каждый из них почему-то считает, что у нас горы меха. А у нас одно маленькое стадо.

— И охотовед знает вторую тропу?

— Знает. У нас свой уговор с ним: по секретной тропе он идёт только в одиночку.

И стала сейчас понятна Деткину та странная усмешка Михаила. А эти подрагивающие сосенки?.. Значит, Кирилл Иванович и Сергей следили за ними.

— Пойду костёр пока разводить, — сказала Наталья Павловна. — Вон Кирилл Иванович в лес собрался. Гости-то свежим мясом угощают...

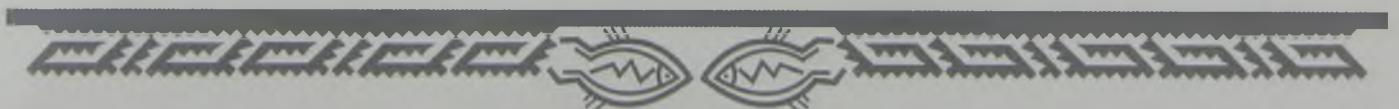
Кирилл Иванович с карабином в руке стоял у своего чума и что-то говорил охотоведу, Мохову и Пахомычу. «Такую охоту прозевать — непροститительно», — подумал Деткин и встал.

За оленем отправились вчетвером — Михаил, Кирилл Иванович, Сергей и Деткин.

Идти по ягельному бору — всё равно что шагать по ковровой дорожке: ноги приятно утопают во мху. Мох чуть похрустывает.

Солнце клонилось к закату. Деревья стояли как замороженные: хвоинка не дрогнет. Чистый серебряный воздух тонко звенел комариными глосами.

Василию Алексеевичу казалось, что солнце улыбается всему миру и ему лично, печально и светло. И ещё подумал он, что при такой красоте, которую ежедневно дарит солнце, дарит природа, — жить бы всем в радости

и согласии, да вот всё как-то не получается эта гармония у человека. А нужна она человеку, ой, как нужна!

Опираясь на ствол карабина, как на посох, Кирилл Иванович подждал отставших путников. Взгляд его зорко охватывал открытое пространство янги. Там, впереди, у янги¹, метрах в двухстах, стоял олень.

Он вдыхал в себя ароматы и звуки вечеряющего леса. Деткин кашлянул. Голова оленя повернулась в сторону людей. И тут же прогремело три быстрых выстрела. Стрелял Кирилл Иванович. Олень упал. Все бросились к нему. Зверь лежал, подогнув под себя переднюю правую простреленную ногу.

— В коленный сустав попал, — определил охотовед. И тут же с укоризной добавил: — Три пули — многовато для оленя, а, Кирилл Иванович?

— Зачем много? — удивился оленевод. — Всё как надо, Миша. Первая пуля в воздух пошла: ближних олешек испугать. Второй пулей в ногу попал: пусть олешек на месте стоит. Третья пуля под лопаткой.

— Мировой снайпер из тебя вышел бы, Кирилл Иванович, — сказал капитан.

В считанные минуты оленеводы освеживали тушу. Мясо уместилось в четырёх рюкзаках. Шкуру Кирилл Иванович повесил, как одеяло, на толстый сук, сказав: — Рысь не ходит. Пусть спокойно весит.

Голову оленя оставили тут же, до утра.

На обратном пути Деткин, отмахиваясь от комаров, первым нарушил молчанье:

— Отчего комары не спят? Не знаешь, Кирилл Иванович?

Оленевод рассмеялся:

— Комар будет спать — и ты долго будешь спать... Э-э, вот и Степан...

От костра навстречу путникам шёл широкоплечий, чуть выше среднего роста мужчина. В его тяжёлом медленном шаге, в покатых плечах чувствовалась сила, спокойная, несуетливая уверенность в себе. Друзья обнялись. Деткин снял рюкзак, передал его Сергею. Степан увёл гостя к своему чуму, сели на чурбаки. Степан закурил трубку.

— Как поживаем, друг мой? — спросил Деткин.

— Помаленьку живём, тихо живём, Алексеич.

— За болота спрятались, значит.

— Спрятались. Покой нужен... Кирилл Иванович нашёл этот бор.

Кирилл Иванович в это время хлопотал у костра, помогал женщинам готовить ужин. Мясо варилось в большом чугунном котле. Деткин знал, что такие котлы и таганы к ним — теперь редкость. Только у оленеводов сохранились они. Сергей, Роман и Пахомыч сидели близ костра на оленьей шкуре, курили, о чем-то оживлённо говорили.

¹ Янга — большое, топкое болото.

— Я всё думаю, Алексеич, как дальше жить будем мы, лесные люди? — повёл разговор Степан. — Сколько вертолётов налетело! Сколько машин пришло! Как устоять нашей природе? Как сохранить наше древнее родовое занятие? Ведь я — оленевод. Я без олешек не могу...

Деткин задумался, погрузился:

— Понимаю тебя, Степан. Сердцем понимаю. Ты без оленей не можешь, я — без реки. И оба, значит, кровной ниточкой связаны с природой. Оборви эту ниточку — и нет тебя, нет меня.

— Верно, верно, Алексеич, — кивал седой головой Степан. — Без оленей я — какой человек?.. Тоска, будто комар, выпьет меня, сухарой сделает...

— И мне не прожить теперь без реки, без моря... — Деткин поднялся. Словно нахлынувшие мысли позвали его к немедленным действиям. — До каждой души, Степан, не достучишься, чтобы человек воспринял здоровую природу, как своё спасение. Но когда большинство людей придёт к этой спасительной мысли, поверь мне, Степан, мир здорово изменится... — Деткин широко развёл руками, повеселел лицом. — Эх, ясное море! Как привольно, душевно у вас в бору!

— Гости дорогие, просим на ужин! — это голос Кирилла Ивановича.

— Экий шустрый старик! — сказал Деткин. — На всякое дело мастак.

— Моя правая рука! — с гордостью заметил Степан.

На длинном, сколоченном из досок походном столе дымились глубокие алюминиевые тарелки с ароматным оленьим мясом. Оленеводы расположились по одну сторону стола, гости — по другую. Женщины ушли в чум готовить ко сну постели. Мужская компания — только для мужчин. Таков здесь порядок.

Напротив Деткина сидел Степан. Голова у оленевода крупная, лицо цвета жаркой меди, широкое. И нос на этом мужественном лице тоже широкий, с выпукло-жестким овалом ноздрей. Взгляд у Степана пронизательный, властный. «Да, у этого маленького товарищества оленеводов и у этого огромного ягельного бора есть свой рачительный и мудрый хозяин, — думал Василий Алексеевич, глядя на Елушкина. — И это хорошо. В наше время на каждом пятачке земли нужен настоящий хозяин».

И гости, и хозяйева азартно, с аппетитом ели мясо, пили крепкий душистый чай, приправленный брусничным листом. Тут не до разговоров. Разговор вели после еды, лёжа на мягкой оленьей шкуре под звёздным пологом вечно загадочного неба. А рядом пляшет пламя костра. Веет теплом, покоем, сказками леса. И тело просит сна. И весь мир кажется радушным домом.

Василий Алексеевич ночевал в чуме Степана. Для гостя натянули отдельный марлевый полог — и ни один комарик не потревожил его. Проснувшись, Деткин взглянул на свои ручные часы: пять утра. Рано. Но захотелось посмотреть в глаза утреннему бору.

Удивлению Василия Алексеевича не было предела: Кирилл Иванович уже хлопотал близ своего чума — разводил дымокур. Клубы густого синего дыма клонило ветерком в сторону янги. «Ну, старик... Да спал ли он сегодня?» — Деткин поёжился. Было холодно. Давала о себе знать близость тундры. Он вернулся в чум, надел на тельняшку китель и пошёл по тропинке в бор. В молочно-сизом тумане плавали верхушки сосен. А там, где туман оторвался от земли, сосны казались подрубленными, словно от них остались только светло-рыжие пни. Где-то недалеко трубно закричал олень. «Будто корова даёт знать о себе, — подумал Василий Алексеевич. — Только у оленя звук гортанней и резче».

— Мой хор¹! Мой хор! — раздался сзади радостный крик.

Деткин оглянулся. К чумам, в молоке тумана, величественно плыл олень. А к нему, с детским восторгом распахнув руки, бежал Кирилл Иванович. Деткин поймал себя на том, что он тоже бежит, торопится увидеть эту встречу. Василий Алексеевич прислонился к сосне. Отсюда красавец хор и Кирилл Иванович были видны, как на ладони. Олень остановился, глядя на хозяина внимательно и доверчиво. Старик упал на колени. Деткина поразила его поза, его вид: руки прижаты к груди, словно он даёт молчаливую клятву, глаза полузакрыты, голова чуть откинута назад. Так стоял он, не шелохнувшись, верен каждому своему зову и знаку души. И... случилось то, чего Василий Алексеевич никак не ожидал. Олень бережно положил свою белую голову на седую голову старика. И Василий Алексеевич увидел, как из глаз Кирилла Ивановича скатились две крупные слезы. Деткин почувствовал, что и его глаза наполняются горячей влагой. Чтобы справиться с волнением, он до боли прижался головой к прохладному стволу дерева.

Не открывая глаз, Кирилл Иванович стал бережно гладить руками с двух сторон шею оленя. Олень не шевелился. Минут пять или семь стоял он так, принимал благодарную ласку своего хозяина. Потом вскинул голову и пошёл к дымокуру.

Старик поднимался медленно, тихо, с умиротворённым счастливым лицом.

А Деткин всё стоял у сосны, наполненный новым чувством родства с природой. В нём выяснилась, обрела свою плоть и значимость главная мысль — любить на равных, любить уважительно и бескорыстно окружающий тебя мир: и животных, и деревья, и травы, — мысль, рожденная нынешним утром для будущих дней.

И на душе у Василия Алексеевича стало тепло и благостно.

¹ Хор — олень, бык.

БОЙ ЗА ОСТРОВ ШУМШУ

Катер Деткина «Марс» спешил обратным ходом в город Ханты-Мансийск. Там, на нефтебазе, баржу заполняют дизельным топливом и пожелают команде Деткина счастливого пути до Раздольного. Маршрут прост. А сама дорога таила немало трудностей, особенно осенью, когда река обрастает, как ракушками, мелями и перекатами. Но сейчас июнь. Воды много. Дни стоят погожие, безветренные. Благодать!

У причала нефтебазы, на берегу Иртыша, Мохов приметил группу школьников, нарядно одетых, в галстуках. Пожилая женщина в строгом чёрном костюме (видимо, учительница) что-то говорила ребятам. И те во все глаза (так казалось Мохову) смотрели на его катер. Учительница держала в руке букет цветов. «Кажется, тюльпаны?.. Точно, тюльпаны», — определил Роман.

— Ты берегу глаза не дари, а баржу ровнее приваль, — услышал механик рядом с собой командирский голос Деткина.

— Будет как надо, капитан... Откуда вот они тюльпаны взяли — удивляюсь!

— Есть в городе свой знаменитый садовод Никифоров. У него, брат, всё растёт: и тюльпаны, и розы... Постой-ка, Роман! Да это же Агриппина Гавриловна, сестра моего племянника. Помнишь, я тебе о нём говорил? — глаза Деткина засветились радостью.

— Где упомянуть, капитан! — ответил Роман, работая штурвалом. — У тебя полгорода знакомых...

— Но почему цветы? По какому поводу?

— Сегодня же 22 июня, Василий Алексеевич? — и Роман пристально посмотрел на капитана.

— Точно, Рома. И как я забыл! — лицо Деткина сразу стало задумчивым и даже печальным.

«Марс» привалил к берегу. Пахомыч закрепил швартовы, подал трап.

— В такой день цветы, Агриппина Гавриловна, как-то... — Деткин замялся, подыскивая нужное слово.

— Цветы — это память, дорогой Василий Алексеевич, — пришла ему на помощь учительница. — Цветы всегда к месту. И нечего тут мудрить.

— И верно: цветы — это хорошо, — сразу повеселел Деткин. — Цветы сегодня — это поклон и живым, и павшим. Верно, дети?

— Верно! Верно, Василий Алексеевич! — зашумели, захлопали в ладоши пионеры.

Пахомыч и Роман стояли рядом, с гордостью посматривали на своего капитана, не по годам крепкого, стройного, в парадном кителе с орденскими планками.

— Василий Алексеевич, прошу в машину, — сказала Агриппина Гавриловна. — В краеведческом музее встреча с Вами. Почти вся наша школа будет.

— Оперативно работаете, ничего не скажешь, — улыбнулся Деткин и подозвал к себе Романа. — Останешься за меня, Роман. Я буду у племянника. В семь утра уходим... Да, напоминаю: проследи за баржей, чтоб заправка была на высшем уровне: без разлива и недолива.

В музее полно народу: учителя, школьники, туристы с теплохода «Генерал Карбышев», плавающего по маршруту Новосибирск — Салехард.

— Василий Алексеевич, расскажите нам про самый памятный бой, — обратилась к нему Агриппина Гавриловна. — Вы воевали и на Чёрном море, и на Тихом океане. Сражений много. Но ведь есть самое незабываемое.

Капитан задумался.

— Каждый бой памятный. Каждый бой живёт в плоти и крови война, — начал он свой рассказ. — Но, действительно, есть и самый страшный бой в моей жизни. Это бой за остров Шумшу, на Курилах.

18 августа 1945 года десантники Тихоокеанского флота и несколько стрелковых дивизий на десантных судах подошли к Курильским островам. Отряду, в котором находился я, предстояло взять остров Шумшу.

Мы знали, что японцы сидят в дотах и дзотах, имея круговую оборону. Но все верили: враг капитулирует, как только десантники окружат остров.

Высадка производилась в разных частях острова. Наше судно остановилось недалеко от берега: мелко. Пришлось десантироваться в воду. Враг молчал. Кругом высились каменные глыбы, скалы. Шли мы с шутками, весёлые. Кто-то пел:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далёко,
Далёко от нашей земли.

В десанте — моряки, пехотинцы. Было около 12 часов дня. Помню ясное небо. Все верили в лёгкую победу.

Василий Карагаев, мой тёзка, тоже сибиряк, сказал:

— Может, их и в помине нет, Вася?.. Удрапали.

Сам улыбается. Орёл Карагаев! Высокий, с разлётными чёрными бровями, богатырская грудь с двумя орденами Славы на бушлате. Мы с ним подружился во Владивостоке, в оздоровительной команде.

Взобрались десантники на каменный взгорок. Вот в этот момент и ударил враг из пулемётов и пушек. Неожиданно получилось. Страшно это. Вокруг пули цвиркают, осколки летят. Дым, гарь. Раненые кричат.

Залегли мы с дружкой за валун. Из автоматов палим. Неподалёку от нас — сопка. Огнём брызжет. Вся в огневых точках. И давай-ка наша корабельная артиллерия молотить по этой сопке, по этим дотам, дзотам. Заволокло её дымом и каменной пылью. Пользуясь этим, десантники стали продвигаться вперёд, где по-пластунски, где перебежками.

Бой гремел по всему острову.

Артиллерия перенесла огонь на соседние сопки. И тотчас, с криком «ура», бросились мы на притихшего врага. Но... ожили японские пулемёты. Снова, теряя товарищей, попрятались мы за камни...

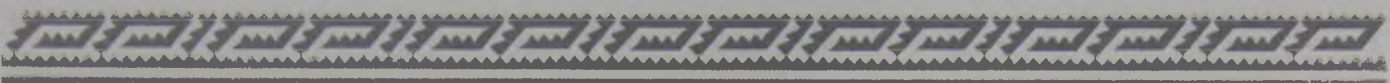
Ночью в разведку отправили группу моряков из одиннадцати человек. Вернулись трое. Остальные погибли. Однако эти трое захватили всё-таки левофланговый дот. От них мы узнали страшную весть: оказывается, японцы были прикованы цепями к своим пулемётам. Смертники, значит.

Ранним утром после артиллерийской подготовки мы снова пошли в атаку. Дружок мой Василий Карагаев ближе всех оказался к центральному доту и кинул в его огненную пасть одну за другой три гранаты. Примолк дот. Да и не железные там люди, в конце концов. Сколько на них металла израсходовали! Вскочил в азарте Карагаев и закричал: «Ура-а!» И надо же было такой беде случиться: из правой, молчавшей амбразуры, пулемёт ударил. И подкопились ноги у моего дружка, упал он. Я к нему. А моряки гранатами пулемёт добивают. Помог я Василию приподняться. Кровь так и льётся сквозь пальцы. Руками он всё глаза прикрывал. И услышал я горький шёпот его: «Что же они со мной сделали?..» Потерял я, дети, своего друга.

Василий Алексеевич замолчал. Глаза его моргали часто-часто. Вынув носовой платок, он отвернулся, покашлял в него. Успокоившись, обратил задумчивый взгляд на детей. А в музее стояла тишина. Десятки детских глаз — тревожных, грустных, растерянных, ласковых, доверчивых — смотрели на Деткина. Старушка туристка, стоявшая впереди своей группы, утирала платочком слёзы. В открытую форточку влетел пушистый, воинственно гудящий шмель. Он покружил, рассматривая людей, и, словно почувствовав, что явился не вовремя, улетел тем же путём.

Капитан продолжил рассказ:

— Дорого заплатили мы за эту сопку. А впереди новая, тоже вся огнём пышет. Двинулись мы к ней. Наши снаряды камни перемалывают. Кажись, травки живой не осталось. Только пойдём в атаку — с прежней силой бьют пулемёты. Что за напасть такая! Три дня штурмовали мы эту сопку. Взяли-таки. Жутко было смотреть на цепи смертников, на их измождённые лица. И что тут выяснилось, ребята. На острове под землёй действовала узкоколейная железная дорога. Там же — и казармы, и электростанция. Дорога подходила почти к каждому доту и дзоту. Убьют стрелявшего, но тут же замена ему готова. Прибавьте к этому смертные цепи пулемётчиков. Вот и вся хитрость их стойкости.

Поздновато узнали мы про железную дорогу. Теперь уже наше командование решило иначе действовать. В глубине острова высадился авиадесант. Десантники пробурили шурфы, заложили туда взрывчатку. Взрывами вывели из строя подземные ходы противника и парализовали движение поездов по узкоколейке. После этого стало легче вести бой. Вот такой остров, дети, встретился мне на военном пути... Вопросы есть?

— Василий Алексеевич, скажите: кто строил эту железную дорогу и укрепления на острове? — спросила старушка туристка.

— Дорогу, доты и дзоты строили пленные китайцы и корейцы. Их привозили туда с материка. Потом этих пленных японцы уничтожили...

Вопросов к ветерану было много. Встреча заняла у Деткина два часа.

Утром на причал нефтебазы Василий Алексеевич пришёл не один. Его провожал племянник Михаил Вторушин, бригадир рыболовецкой бригады, мужчина лет тридцати пяти, с лицом суровым, замкнутым.

Хмуря широкие чёрные брови, племянник сказал с ноткой восхищения:

— Махнула рукой на тебя старость, дядя, — мол, живи сколько хочешь.

Деткин обнял Вторушина за плечи:

— Я, Миша, стареть не собираюсь. Вот стукнет лет сто — у тебя посох для дороги попрошу. А на печку не полезу. Не-ет.

Племянник и дядя рассмеялись.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

В ГРОЗУ

Вторая половина июля выдалась жаркой и грозовой. Днём ярко светило солнце, стояла парная духота. А к вечеру на обские просторы обрушился щедрый, яростный ливень. Тепло и влага — чудотворцы природы. Луговые травы вымахали в рост человека. Пышно зеленели деревья.

«Марс» держал курс в Ханты-Мансийск. В два часа дня Пахомыч сменил Романа у штурвала. Деткин отдыхал в прохладной каюте. После ночного дежурства у него разболелась голова.

— Не забудь в Иртыш повернуть, а то прикатишь нас в Обскую губу, — бросил шпильку Роман.

— Валяй, валяй, — круглое лицо Пахомыча расплылось в добродушной улыбке. — Штурвал в надёжных руках.

Ветер нёс такой душистый запах трав, что глаза моториста невольно щурились от блаженства: «Не воздух, а мёд».

Приятно кружилась от пряных ароматов голова, и раз мечтался Пахомыч. Стоит он в белой парадной форме на капитанском мостике. Все смотрят на него, вся многолюдная пристань Ханты-Мансийска. Все ждут его пассажирский теплоход. Женщины машут букетами цветов. Вон и его Рая, весёлая, в сиреневом платье. Как василёк. И Миша, сын, рядом, с гордостью глядит на отца...

— Спишь, что ли, еловая голова?! — вдруг услышал Пахомыч грозный и такой знакомый голос.

— Туман какой-то... набежал на глаза, — промямлил Пахомыч первое, что пришло на ум.

— Вот и судно, как в тумане, туда-сюда тычется... Времени не хватило на сон? — гремел бас капитана.

— Выспался я, капитан, выспался... — боялся признаться о своих мечтах моторист-рулевой.

— Сходи-ка в машинное отделение. Что-то с системой охлаждения неладно, — глядя на приборы, сказал Деткин и позвал с палубы Романа: — Встань к штурвалу!

— Да что ты, капитан! — заупрямился Пахомыч. — Ну, от силы... двадцать минут назад был там. Полный ажур.

— Ажур, говоришь?! А ну, пошли! — и, схватив моториста за руку, Деткин увлёк его за собой.

В машинном отделении вода тугой струёй хлестала из водяного холодильника. Как и предполагал капитан, с холодильника слетел дюритшланг подачи воды. Пахомыч ахнул:

— Как это могло случиться?! Собачий нюх у тебя, капитан.

— Беги к Роману, пусть приваливает, — приказал Деткин, перекрывая кингстон.

Вода перестала течь из холодильника. Капитан заглушил дизель. Зашелестел песок. Берег.

Судно встало примерно в километре от слияния Оби с Иртышом. Небо мрачнело. За высоким крутояром, за лесом ворчал гром.

Работы хватило всем. Пахомыч и Роман слили ведрами подсланённую — отработанную — воду в ёмкость, стоящую на корме.

Нарастала сила встречных валов. Капитан поднял лобовое стекло рубки. За штурвалом — снова Пахомыч.

— Держись берега, — наказал ему Василий Алексеевич. — Очень уж ветер не по душе — порывистый, жаркий.

Впереди, по горизонту, — вода мрачная, взъерошенная, в стружках пены. Вот оно знаменитое волнующее место, место слияния Оби с Иртышом. В тихую погоду здесь только песни петь да фотографироваться на

память — такое раздолье и величие вод, лугов и лесов. А в непогоду, в бурю — вот где разгул стихии! И не испытывай судьбу, человек! Притихни и пережди ярость ветра и валов в затишье, в заливе.

Из-за каменного мыса выкатилась косматая чёрная туча с багрово-красными подпалинами. Загрохотал гром.

— Буря, — прошептал Деткин, и рука его опустилась на штурвал. — Назад, Пахомыч! Назад в залив!

Капитан сам повёл судно обратным курсом, Пахомычу сказал:

— Иди в машинное отделение, мало ли что...

В рубке появился Роман.

— Вовремя отступить — тоже победа, капитан?

— Погоди радоваться, — хмурился Деткин. — Всё только начинается.

Валы накрывали баржу, катер. Судно рыскало, плохо слушалось руля. К счастью, залив рядом. Залив — это бывшее устье реки Назым. Там, под горой, за плотной стеной кедрача и пихт — затишье. Там — спасенье. Гром гремел часто и оглушительно, словно кто-то рядом торопливо бил молотом по железу. Только вошли в залив — сверху хлынул сплошной поток воды. Тёмная туча плотно закрыла небо. До срока наступила ночь.

Переодевшись в резиновые сапоги, в непромокаемые брезентовые с капюшонами робы, команда «Марса» выбралась на берег. При свете прожекторов надёжно закрепили швартовы.

Буря пошла в полную силу. Рвали небо молнии. Невдалеке ревела, просилась из берегов Обь. Провести непогодную ночь в тесных каютах — мало удовольствия, и Деткин предложил:

— Тут, братцы, на взгорке, домик охотничий. Там и скоротаем ночь... Забирай, Роман, харчи. Вперёд, Пахомыч.

Молнии освещали тропинку. Гром торопил путников.

В избушке просторно, удобно. Вдоль стен — из добротной сосновой плахи — нары. Железная печка. У порога аккуратно сложены кучкой короткие берёзовые поленца. Пахомыч нашёл в углу керосиновую лампу, зажгёт фитиль, поставил лампу на самодельный столик.

— Жизнь продолжается, капитан... Вообще-то, хозяину этой избушки в ноги поклониться бы. Толковый хозяин.

— Верно глаголишь, Пахомыч. — Деткин снял брезентовую робу, слегка встряхнул её у порога, повесил на гвоздь. — Сейчас печку затеплим и — видали мы бурю на дне реки, как говорится.

— Чей это домишко, Алексеич, не знаешь? — спросил моторист, пристраивая свою робу на стену, ближе к печке.

— Как не знать? Михаила Бронникова. Художника тутошнего, — Деткин закрыл дверцу загудевшей печки.

— Ну, художник во всём должен нести это самое... — Пахомыч пощёлкал в воздухе пальцами, — пример благородства, жертвенности...

— Значит, в очереди будешь стоять в ожидании этого примера? Так, что ли?! — короткие брови капитана ощетинились, и весь он был похож на большую неуклюжую птицу с удивленно сверкающими глазами. — Вот она, наша беда, Пахомыч... А ты не жди. Ты сам успевай творить это полезное, доброе...

Роман снял с плеча большой рюкзак:

— Да у вас тут, как у той тещи, — пироги и пельмени.

— Где мы с капитаном, там и жизнь, как шампанское, ключом хлещет, Рома, — похвалился Пахомыч.

— А может, вода хлещет? — нашёлся Роман, намекая на случай в машинном отделении.

Деткин захохотал. К нему вернулось благодушное настроение.

— Чуть на глазах у бури не потопил нас... Смотри, Пахомыч, в другой раз прощенья не жди.

Мохов выкладывал на столик содержимое рюкзака.

— Думку мою не прихватил, Роман? — спросил Деткин.

— Забыл, капитан. А вот сковородочку для Пахомыча прихвати-ил. Жарь, парь, Пахомыч. Вишь, печка-то раскраснелась, как девица на морозе. Тебя зовёт.

После ужина Роман сходил на катер, принёс в рюкзаке две фуфайки, подушку-думку Деткина. Обитатели домика расположились на нарах почти с комфортом. Роман думал о чём-то своём. Василий Алексеевич снял китель: жарко. А за окошком продолжалась неугомонная работа ветра и дождя.

— Ты, Пахомыч, назвал Бронникова толковым хозяином. Верно, — вернулся к прежней теме Деткин. — Теперь на такой вопрос дай ответ: сколько охотничьих избушек-стоянок видел ты на дороге нашей на Оби?

— Погоди, капитан, подумаю...

— Чего думать! — вмешался Роман. — Всего две избушки. Вторая — на острове Покурский.

— Скоро и этих не будет, — вздохнул Деткин. — Раскатают лихие люди по брёвнышку.

— Да почему раскатают?! — искренне удивился Пахомыч. — В таком суровом краю они на каждой версте должны быть... Снег. Стужа. Озяб путник. И вдруг избушка — спасительница. Ничего не понимаю, Алексеич...

Пахомыч в здешних краях — новичок. Сам он ленинградец. Приехал на Север с молодой семьёй из романтических чувств. Тайга, олени, буровые. Захотелось приобщиться к этой удивительной нови.

Нынешняя навигация на «Марсе» — первая в жизни Пахомыча. Василий Алексеевич хорошо понимал душевное состояние товарища. И сказал:

— Тут в чём соль, дорогой. Если живёт в тебе чувство хозяина и творца — будешь ты ломать эти избушки? Не-ет. То-то.

— Не каждому дано это чувство, — резонно заметил Пахомыч.

— Воспитывать его надо в себе! — Строго погрозил указательным пальцем в сторону печки капитан. — Воспитывать терпеливо, каждодневно. Это работа. Работа души и ума... Пойду катерок попроведаю.

Роман спал. В печке щёлкал огонь.

Деткин накинул на плечи робу, на голову надел старую лохматую шапку из росомахи. Эта шапка и ватник висели за печкой, в левом переднем углу и, видимо, составляли рабочий наряд хозяина избушки.

— Заметь, Пахомыч, в этой шапке ни вода, ни мороз не страшны.

Пахомыч словно не слышал этих слов: сидел, задумавшись.

Капитан вернулся с запахами ветра и дождя.

— Утихает непогодушка. Но тучи тяжёлые. Прут и прут. Давай почитать, Пахомыч... Лампу я потушу, керосина мало.

Пахомычу не спалось. Впечатлительный, он всё думал: какие дикие и нелепые поступки может совершать человек! Может, лихие люди хозяйничают сейчас на его катере? Может, идут сюда, в избушку? Таились в лесу, пережидали бурю. Стало им от воды и зябкости неважно. Вспомнили про одинокую избушку на берегу залива — и в бега. Пробираются сюда сквозь мокрый и холодный лес злые, угрюмые. Что за нелепые мысли! Откуда взяться в такую непогодину людям?! Мышь и та не выйдет из норы. Пахомыч гнал от себя эти мысли и виденья. Однако они снова возвращались и беспокоили его.

Он лежал возле окошка. И поневоле ловил звуки внешнего мира: сильные порывы ветра, отдалённый ворчливый прибор Оби, нарастающие раскаты грома. «Видать, новая туча подошла».

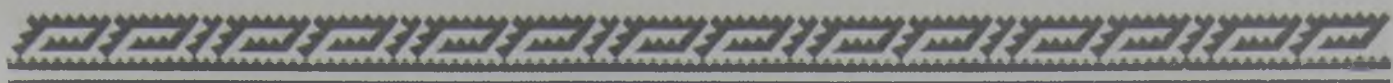
Будто качан капусты резали — так сочно захрустело, затрещало рядом, под окошком. «Что за чёрт! — насторожился Пахомыч. — Угол избушки, кажись, отвалился». Кто-то стукнул в окошко. Колотит в дверь. Пытается открыть её. Дверь ходуном ходит, того и гляди, крюк слетит... «Вроде ушёл... Эге, крышу начал ворошить. Ну, это уж слишком. Придётся поговорить с пришельцем».

Пахомыч засветил лампу, быстро оделся, не забыл бросить на голову знаменитую шапку из росомахи. Он надеялся на свои мощные кулаки и потому, скинув крючок, смело шагнул за порог. Темень. И как нарочно — раскат грома, и — дождь. Белый огонёк на макушке судна расплылся в бледное желтоватое пятно.

— Кто тут прячется? Выходи! — закричал Пахомыч.

Что-то чёрное и большое надвинулось на него. «Экий бугай», — только и успел подумать Пахомыч. Будто железная кувалда опустилась сверху на голову. Пахомыч аж присел. В голове звенело. В глазах мельтешили разноцветные огоньки. И сразу злость опалила сердце.

— Ах, ты драться, негодяй! — и Пахомыч, по-боксёрски развернувшись, со всей силой влепил кулачищем в чёрную тушу: «Получай премиальные!»

Домик Бронникова стоял на краю неглубокого яра. В этот яр и свалился с рёвом таинственный чёрный незнакомец. Ударил гром. Дождавшись, когда он стихнет, Пахомыч погрозил в темноту кулаком:

— Это тебе за сломанные избушки, разбойник!

Уже в избе, раздеваясь, Пахомыч подумал: «Чего этот полуношник в шубе ходит? Дождь льёт, а он — в шубе!.. Хохмач».

Странное ощущение осталось от удара — кулак словно прилип на мгновенье к чему-то мохнатому, мокрому и податливому. «Шуба у него из росомахи! — дошло наконец до Пахомыча. — Вот и не боится дождя бродяга».

Засыпая, он прислушался. С крыши торопливо бежала дождевая капель. Гром ухал далеко на северо-западе. И всё. Пахомыч даже мысли не допускал: а вдруг этот чёрный пришелец — медведь? Он, городской житель, твёрдо уверовал: медведь в непогоду, как глухарь, прячется в чаще под каким-нибудь еловым или кедровым корневищем и спит себе там богатырским сном.

Утром, увидев у порога медвежью лепёшку и сплюсненную кадушку для воды, Деткин сказал:

— Косолапый бродил. Странно, что в гости к нам не попросился...

Ошеломлённый, Пахомыч тут же выложил товарищам ночную историю. Вот было смеха.

— Шапка выручила тебя, Пахомыч, — похлопал его по плечу Василий Алексеевич и с удивлением добавил: — Однако с тобой, я гляжу, шутки плохи.

Пахомыч чувствовал себя героем.

ПЯТАЯ ГЛАВА

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

День Военно-Морского Флота команда «Марса» встретила по дороге в Раздольное. Деткин остановил судно у Белой горы — у высоченного песчаного крутояра. Наверху кудрявились берёзы, за ними — глухая буреломная тайга. Неподалёку, у самой воды, — два мощных камня в полтора метра высотой, два молчаливых вечных стража Белой горы. Их называют каменными близнецами. Как они сюда попали, каким образом появились? — тайна. Но эти вопросы рождаются у каждого, кто впервые оказался здесь. Вот и Пахомыч поинтересовался:

— Сколько лет этим камням, капитан? Как думаешь?

— Ты лучше у Белой горы спроси. Она всё знает, — ответил капитан Деткин и, придав лицу строгий вид, отчеканил: — Даю двадцать минут. Иметь боевой парадный вид. Сделаю сообщение.

— Фантазёр капитан, ой фантазёр! — улыбается Пахомыч, спускаясь в каюту.

— С ним не заскучаешь, это верно, — в тон ему говорил Роман. — Хлопотный предстоит праздничек.

Ровно через двадцать минут Роман и Пахомыч по команде своего командира встали на палубе в шеренгу. Одеты они в белые фланелевые костюмы, заказанные в своё время Деткиным в ателье ханты-мансийского дома быта.

На фланельке капитана золотом горят нарукавные шевроны капитан-лейтенанта. Такой чин он имеет как военный служащий Военно-Морского Флота в отставке. Такие нашивки носит Василий Алексеевич и на кителях — на парадном и на рабочем. По этой причине и зовут все Деткина капитаном.

— С праздником, товарищи! — торжественно сказал Деткин.

— Ура! Ура! Ура! — от души кричала команда.

— Сообщение такое, — капитан заложил руки за спину и, гордо вскинув голову, прохаживался перед строем. — Наше судно, как вам известно, мирная единица наших просторов. На сегодня, в честь праздника Военно-Морского Флота, я объявляю «Марс» военным судном. Проведём на Оби учебную тревогу «Воздушный налёт». Я — за штурвалом. Роман — за условным пулемётом. Пахомыч отвечает за аварийные работы. Чтоб всё было под рукой для заделки пробоин... Да, может, есть какие возражения?

— Есть, товарищ капитан, — по-школьному поднял руку Пахомыч.

— Капитан-лейтенант, — поправил его Деткин. Он вёл игру по всем правилам. — Опустить руку, товарищ матрос. Ты не в школе, а на военном судне.

— Я думаю, — будничным голосом начал Пахомыч, — лучше в честь праздника к деревеньке причалить и в магазин сходить.

Роман засмеялся.

— Отставить смех! — нахмурился капитан. — Ещё раз повторяю: судно на военном положении, и посему — никаких деревенок... Сходи-ка лучше, Роман, за гитарой. Споём нашу любимую.

Бас у Василия Алексеевича трубный, грубоватый. Мягкий баритон Пахомыча смягчал его. Гитарные струны под рукой Романа вели тихий и согласный разговор. Пели:

Там, вдали, за рекой, где погасли огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов из будённовских войск
На разведку в поля поскакала.

На Оби затишье. Выпукло-зеркальные воды затаили в себе редкие кучевые облака. Каменные близнецы с удивлением всматривались в свои отражённые лики. Ликовали чайки. Глупая рыбная молодежь густой серебристой массой шла на прибрежную отмель, где становилась добычей жадных и крикливых халеев.

В воздухе появилась пороховая пыль гнуса. Замелькали, закружились вокруг поющих в нудном хороводе пауты. И Деткин дал отбой концертной программе. «Марс» покинул берег.

Судовая сирена известила о начале учебной тревоги. Команда облачилась в рабочие костюмы и спасательные жилеты. Капитан пояснил:

— Три сигнала сирены — налёт; два — человек за бортом. В остальном без сирены обойдёмся. — И подал Роману шланг: — Ствол шланга и есть твой пулемёт. Начнём, братцы, пока судов нет.

Завыла сирена.

— Пикирует! Угости его, Роман, по-сибирски! — кричал капитан и накренил судно вправо.

— Та-та-та-та! Та! — частил Роман, направляя ствол шланга на воображаемый самолёт.

Капитан маневрировал, спасая судно и баржу от мнимых пуль и бомб.

— Ты не стой на месте! — поучал Василий Алексеевич. — У тебя пулемёт вращается. Самолёт не бабочка и не комар. Решают мгновения. Пали и пали по нему...

Глаз у командира острый, всеохватный.

— Сухогруз «Сибирь» показался. Дай, Пахомыч, отмашку... Пали, Роман! С кормы пикирует!

И Роман, войдя в азарт военной игры, кричал «вражескому лётчику»:

— Не на тех напал, вражина! Т-та-та-та! Ага, уходишь!.. Товарищ капитан-лейтенант, ушёл самолет, — Роман весело, с хитринкой смотрел на командира.

Гудок у «Сибири» басистый, радостный. Деткин ответил на приветствие тревожным гудком сирены.

Бросив шланг на палубу, Роман позвал Пахомыча.

— Эй, тыловик! Айда закурим.

Пахомыч тут как тут. Капитану это не понравилось.

— По местам! — раздалась его команда. — Ещё один заход самолёта... Роман, встречей гостя пирогами.

Роман схватил шланг:

— Та-та-та! Та-та-та!

— Пахомыч! На корме пробоина диаметром в сто миллиметров. Заделывать!

Пахомыч бросился на корму судна.

— Стой! — остановил его капитан, видимо изменив своё решение.

Раздались два коротких сигнала сирены.

— Прыгай! — страшным голосом закричал Деткин мотористу.

Такой голос не давал времени на раздумье и сомнение. Грузное тело Пахомыча с акробатической лёгкостью взлетело в воздух и... шумно плюхнулось в воду.

— А-а-а! Алексеич, тону! Выручайте! — шумел человек за бортом.

Роман хохотал.

— Ой, чудило! Ой, Пахомыч! У тебя жилет... Ты же как пробка.

— Спускай ял, Роман, — пряча улыбку, ровным голосом сказал Василий Алексеевич. — Выручай товарища. Даю судну самый малый ход.

Роман с помощью капитана спустил шлюпку.

Вечером — остановка в деревушке Ягодное. После праздничного ужина развели на берегу костёр. Наломали пихтового лапника, поверх него бросили брезентовые робы и — отдыхай душой, любуйся вечерней природой, человек. Редкие зелёные звёзды, оранжевые огни бакенов, фиолетово-тёмная гладь реки будили светлые воспоминания. И, как никогда, мир казался возвышенным и вечным.

Деткин решил воспользоваться этой умиротворённостью, этой покойной паузой в своих деловых целях и, как бы ненароком, заметил:

— Ты, Пахомыч, и паниковать умеешь. Не ожида-ал.

— Я голоса твоего испугался, Алексеич! Честное слово! — признался Пахомыч. — И воды хлебнул... Плюхнулся-то на живот.

— Вот это всё и называется паникой, — уточнил капитан.

— От такого голоса камень подпрыгнет.

— Кричал потому, что твою натуру знаю. Скажи тебе спокойно, ты и заведёшь: а если бы? А коли бы? А надо ли?..

— Вот на меня кричать не надо, верно, капитан? — улыбнулся Мохов.

— Дело не в крике, ребята. Главное — не паниковать, не растеряться в трудную минуту... Помни, Роман: поединок с самолётом особой выдержки требует. Счёт на секунды. Не упускай его ни на момент. Не давай расстрелять себя.

— Ясно, капитан, — Роман поднялся, — в следующий раз он не уйдёт от меня... Может, гитару принести?

— Пора в путь.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

В ОЗЁРНОМ КРАЮ

Сосед Деткина, маленький мужчина с большими печальными глазами, глянул в иллюминатор, тронул Деткина за плечо:

— Глянь-ка! Всё озёрами усыпано.

Оглянувшись, Василий Алексеевич ахнул: внизу по горизонту — озёра, десятки, сотни больших и маленьких, а то и крохотных, с островками и без островков, озёр. В иных местах они лепились друг к другу почти вплотную, разделённые узкими полосками бурого мха, голубого ягеля, золотыми поясками сентябрьских берёз.

Деткин летел на буровую. Поездка не праздная. На Глухаринном озере встала буровая Р-503: дизельное топливо оказалось с песком. Буровики заявили: виноваты доставщики топлива — речники и вертолётчики. Начальник нефтеразведочной экспедиции Фирулёв имел своё мнение:

— Считаю — вертолётчики проявили халатность.

Деткин иронически усмехнулся:

— Не в обиду будет сказано, Егор Максимович. Живуча давняя мещанская привычка: свою вину соседу подбрасывать. Я не признаю эту привычку. Сам полечу на буровую.

— Слетай, слетай, Василий, — обрадовался Фирулёв. — Спасибо скажу. На месте виднее, что к чему. Оттуда домой махнёшь.

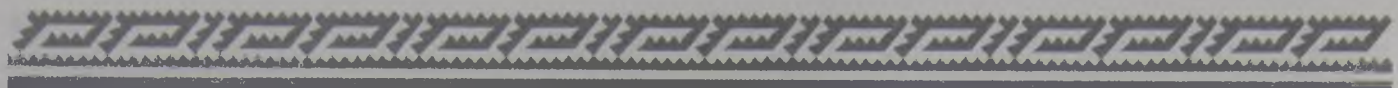
В тот же день Деткин дал недельный отдых своей команде. Пахомыч и Роман улетели на вертолёте в Сургут, к семьям. Сам Деткин с женой и младшей дочерью жил в Нижневартовске.

Озёрам не было конца. «Что за неведомый северный край? — думал Василий Алексеевич. — Уж тридцать минут летим, а нигде ни деревеньки, ни одинокой охотничьей заимки — всё озёра, озёра, да тёмные ниточки проток, жаркие костры осин, задумчивые островки кедрача. Эх, выстроить бы здесь лёгкие, изящные высотные здания! Чтоб люди приезжали сюда отдыхать, любоваться озёрами; чтоб уносили отсюда в сердцах и душах своих непоколебимую веру в доброту природы».

Деткин и его сосед — единственные пассажиры Ми-4. Вертолёт нёс буровикам груз — две железные бочки с горючим.

Жёлтая песчаная поляна, на которую села винтокрылая машина, — у самого озера. За озером и жидкой полосой сосен устремилось ввысь железное тело буровой.

Вертолёт ждали два молодых бородача. По настилу — двум доскам они выкатили бочки. Один из них, высокий, в алой рубахе и джинсах, передал пилоту какие-то бумаги — вертолёт задрожал, поднялся. Тугое

облако песка и сухой хвои накрыло бочки, бородачей, ударило порывами ветра Деткина и его напарника, успевших отойти в сторону. «Да как же не будет песка в горячем?! — с горечью подумал Василий Алексеевич, глядя на бочки. — Интересно, увезут бочки сейчас или оставят для опыления на площадке?»

Бородачи поставили бочки «на попа». Тот, что в красной рубаше, махнул рукой: «Пускай стоят».

Деткин разыскал балок своего старого знакомого Александра Михайловича Красильникова. Тот работал на Р-503 слесарем по ремонту оборудования. Хозяин балка, тучный, с широким добрым лицом, всплеснул руками:

— Каким ветром занесло, Алексеич?! Присаживайся. Ухой угощать буду. А чаёк у нас! — с травами да приправами...

Деткин рассказал Красильникову о бочках, оставленных на площадке.

— Есть, есть, Алексеич, нечестные, равнодушные люди. Буровая стоит, а такие и в ус не дуют. Деньги-то идут. Не по их вине кашляет буровая. Да хоть месяц фырчи она, мне-то что, мол... Сейчас же пошлю трактор за бочками.

Красильников ушёл. Вернувшись, сообщил:

— Бочки на буровой. Мастера ждём. Вот-вот прилетит. И загремит вовсю наша матушка.

Матушкой он называл буровую.

— Повезло вам на природу, Михайлыч, — сказал Деткин.

— Не край, а клад, — согласился Красильников. — Я в жись не видел столько озёр.

— И рыбы, поди, навалом?

— На всю область хватит и соседям достанется... Сырок есть. Но щука, Алексеич, полный хозяин здесь. Ох, и зверь, я тебе скажу. Поймали на днях одну. Ножом — чирк, а там ондатра. Повариха наша как увидела — так и в кусты... Сети не ставим, нет. Бесполезно. Одни лоскутья останутся. А на жерлицу — само то. — Красильников рассказывал азартно, увлечённо, жестикулируя. — Щуки уйма. Век лови — не выловишь. Сам суди. Протоки-то почти все озёра соединяют. Вот и расплодилось её. Вот и царствует она, бесится...

Распахнулась дверь балка. Кто-то длинный — видны были только высокие резиновые сапоги с развёрнутыми голенищами — крикнул:

— Александр Михайлович, мастер зовёт!

— Приехал, значит, — обрадовался Красильников. — За разговором-то не услышал вертолёт... Я побежал, Алексеич. Не скучай. Есть желание — жерлицы поставь.

«Схожу на буровую», — оставшись один, решил Деткин.

Где растёт сосна, там воздух словно процеженный, профильтрованный от пыли, от посторонних запахов. И вот он, чистый, лёгкий, целебный, с тончайшим ароматом сосновой хвои, воздух сам льётся в твои лёгкие. Деткин чувствовал, как уходит усталость, как от минуты к минуте, по капле, возвращается к нему под кронами сосен бодрость. Василий Алексеевич стоял на бровке бора, близ буровой.

Расцвеченная предзакатным солнцем, сияя рыжей кожей металла, буровая напоминала гигантских размеров произведение искусства, смонтированное, спаянное и вознесённое ввысь талантливymi руками художников.

Сзади слышались голоса. В касках, в зелёных спецовках шли буровики. Вахта. Рокочут дизеля. Вахта — люди и железо начнут свою слаженную суровую работу. И дохнёт сорокаметровая громадина на эти сосны и на Деткина паром, выхлопными газами и бензином.

Василий Алексеевич направился по сосновой бровке к озеру. Он хотел сохранить от встречи с буровой первоначальное, праздничное впечатление.

Вечером Красильников познакомил Деткина с мастером, с Николаем Скрябиным. Мастеру всего двадцать семь лет, маленький крепыш с задумчивыми серыми глазами. За чаем повели разговор о политике, о напряжённом международном положении, о боях в Ливане и Никарагуа.

— Ой, много зла в мире! — качал головой Деткин, болезненно морщась. — Зло в нашей жизни плодиться стало. Вот что печально. — Голова Василия Алексеевича поникла, нос почти касался тяжёлого подбородка. Он часто и беспокойно моргал полуопущенными глазами. Скрябину и Красильникову показалось: гость вот-вот заплачет.

— Ничего, Василий, ничего, — спешил успокоить его Красильников. — Злоба — она временна. Надо больше говорить о доброте. И растает лёд в душах людей.

— А я говорю: хватит слов! — Деткин встал. Лицо его преобразилось. Нос выпрямился. В глазах — решительность. — Я говорю доброте: вперёд, в атаку по всем направлениям! — капитан с силой выбросил вперёд сжатый кулак. Помолчав, тихо добавил: — Потоками слов, Михайлыч, гору с места не сдвинешь.

— Эх, разберись вот: как лучше к человеку подойти? — миролюбиво развёл руками Красильников. — А тропинку к его душе надо искать, искать.

Скрябин курил, с интересом смотрел на Деткина.

Александр Михайлович взял чайник, поставил его на электроплитку.

Деткин сел рядом с мастером. Речь сама собой перешла на дела экспедиции, на бригаду Скрябина.

— Далеко вы забрались, далеко, — заметил Деткин. — Полтора часа летел. Озёрами вот любовался.

— Воды много, а толку мало, Василий Алексеевич, — обиженным голосом сказал мастер. — Речки судоходной нет. Вот и приходится каждую пайку, каждый гвоздь по воздуху доставлять. А мы... — он досадно махнул рукой. Потом тихо, доверительно, как сын отцу, сообщил: — За нами вина-то, Василий Алексеевич. В дизельное масло попал песок. Не досмотрел. Халатность проявили.

— Такая история, Николай, могла случиться и сегодня, — вмешался Красильников.

— Знаю.

— У меня такое соображение: вертолёт с горючим будет, к примеру, в 12 часов дня. Так приготовь к этому времени грузовик или трактор с платформой. С ходу погрузи горючее — и на буровую. И никакой мудрости.

— О таком распорядке даже приказ по экспедиции есть, Алексеич, — сказал Красильников. — Да не все этот распорядок выполняют.

— Заставить выполнять.

— Есть разговор для бригады, есть. Дисциплина надобна, — согласился мастер.

Легли спать поздно. За окошком рокотали дизеля и гремела железом буровая.

— Шумит матушка, — прошептал Александр Михайлович в полусне. Рано утром, после завтрака, Красильников посоветовал гостю:

— Сходи, Алексеич, в Голубой бор. Не удивляйся. Так мы прозвали его за голубой ягель. Это за вертолётной площадкой, направо. Сейчас покажу... Там и увидишь озеро-загадку.

Небо серебрилось. Во всём чувствовалась и виделась девственная обнажённость лесной жизни. Чуть вздрагивала, просыпаясь, хвоя на ветках сосен. Последние тени ночи испарялись в первых лучах светила. Старательно точил клюв о смолёвую суковину дятел. Смешно растопырив задние лапки, умывался на пне бурундук.

Лучи, пронизав бор, выпили росу на хвоинках, на ягеле. И тропа стала ярко-рыжей, а ягель ярко-голубым. Деткин шёл по тропинке к озеру.

Игра солнечных утренних лучей на воде. Коснувшись зеркальной поверхности, лучи словно дробятся на множество мелких радужных осколков, вспыхивают, тают в воздухе. На смену им летят новые и новые фейерверки света, искрят воздух, пляшут на воде, жалят и жалят серебристыми молниями глубь.

Василий Алексеевич стоял у самой воды, любовался игрой света, озером. Песок озера был не чистой белизны, как подумалось ему издали, а матовый, почти золотого цвета. Мелкий, уплотнённый песок. Полоса берега широкая, ровная. Ни одного лишнего камешка. И вода — родниковой

прозрачности. Естественный прекрасный пляж! С трёх сторон опоясывала озеро золотая песчаная кайма. С северной стороны к озеру примыкало торфяное болото.

Деткин — насколько позволяла высота болотных сапог — зашёл в воду. Склонился, рассматривая дно. Оно такое же чистое, песчаное. Минут семь, может, больше стоял он так, не шевелясь. Он хотел увидеть какую-нибудь живность. Но всё напрасно. Никто и ничто не потревожило глубинную воду, ни один, даже крошечный жучок. «Странно, — подумал Василий Алексеевич, — нет живности. Действительно, озеро-загадка. А вода вкусная, сосновой хвоинкой отдаёт».

Напрасно, около часа, ходил он вокруг озера — присматривался, изучая его. Пил воду, черпая её пригоршнями, бросал в воздух, два раза умыл лицо. В нём проснулось мальчишеское озорство. И ему не хотелось уходить отсюда.

Василий Алексеевич сделал новый вывод: птицы чураются озера. Утки: свиязи, чернети, соксуны — давали облётный круг — и скрывались. Нет, не человека боялись они. Деткин таился от них за ближними соснами. Просто птицы знали: на озере нечем прокормиться.

Василий Алексеевич был без ружья.

— Хочу мирного знакомства, — сказал он утром Красильникову, когда тот подал ему свою «тулку».

Деткин дал имя озеру — Одинокое. И сказал вслух:

— Только солнце любит тебя. Да вот я полюбил... Прощай, Одинокое! — и направился к соседнему озеру.

Здесь вода тёмно-коричневая, торфяная. Берега, можно сказать, нет. Подушка мха — и только. Когда подушка, спружинив, опускалась, Василию Алексеевичу казалось: вода безудержной массой хлынет на него. И он торопливо переходил на другую, более прочную кочку, ощущая холодок и зябкость в теле.

Большое, плоское, неуютное озеро навевало грусть. И в тон этому настрою сердца звучали в небесах печальные ноты пролётных гусиных стай.

Живности в озере много. Приглядевшись, Деткин заметил полосатые спинки окуней. Они шли и шли. Серебристой блесной мелькнул чебак. На той стороне озера кричали, дрались чайки. «Не согрело ты мою душу, — с укором обратился к озеру Василий Алексеевич, — и я называю тебя — Холодное».

Теперь Деткин решил обследовать озёра с южной стороны берега. У ближнего к лесу озера — круглого и чёрного — он увидел двух парней. Они пытали рыбацкую удачу удочкой и спиннингом.

Василий Алексеевич поздоровался. Познакомились. Парни — Илья Сомов и Саня Егоров — молодые помбуры из бригады Скрябина. Между ними стояла, сколоченная из грубых досок, плоскодонка.

— Что-то улова не вижу, ребята, — сказал Деткин.

— Только что перед вами пришли. Пообедали после вахты — и бегом сюда, — частил словоохотливый Илья. — Да и рыба обнаглела, Василий Алексеевич, не клюет на червя.

— Нужен ей твой червяк, — отозвался Саня, сматывая леску. — Рыба здесь, как дикарь, любит всё яркое.

Саня подошёл к лодке, позвал Илью.

— Видишь эту медяшку в лодке? Творенье Красильникова... Смотри какая броская. Вот и привяжи вместо грузила.

Илья так и сделал, благо медяшка с дырочкой. И чудо! — клёв начался. К общей радости, Сомов одного за другим вытащил на берег шесть крупных чёрно-полосатых окуней.

— Есть и у меня! — закричал Саня, осторожно выбирая леску.

Деткин поспешил к нему.

Щука — по всем повадкам она — кидалась в чёрной и вязкой воде из стороны в сторону. Но Егор умело вёл леску, приучая рыбу к спокойствию.

— Дай-ка, Саня, — попросил Василий Алексеевич и взял в чуткие руки леску. Она, натянутая, дрожала. И Деткин чувствовал скрытную ярость и беспокойство своей жертвы. Знай удачливое мгновение, рыбак! Р-раз! — и внушительных размеров щука, килограмма на три, плюхнулась меж кочек. У неё тёмные навывкате глаза, толстое несимметричное тело. Щука подпрыгивала, молотила по траве хвостом.

— Чёрная, как деготь, — удивился Деткин.

— Вода такая, Василий Алексеевич, — сказал Саня. — А в соседнем озере щуки светло-зелёные. Красавицы. Любо смотреть.

...Домой рыбаки принесли два полных рюкзака окуней и щук. Уху Деткин с Красильниковым и Скрябиным варили уже в сумерках.

Утром Василий Алексеевич улетел на вертолёте в Нижневартовск.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛЬДИНКИ

Рыбацкий плашкоут Михаила Вторушина стоял на Оби, почти напротив устья Иртыша. Играла, наливаясь холодным рябиновым соком, заря. Волны ломали, крошили серебристый тонкий ледок берегов. Льдинки позванивали, словно стаи свиристелей.

Двое рыбаков варили на берегу уху. Костёр горел ярко, стрелял искрами.

— Что сушняк делает — будто из пушки палит, — сказал сутулый, пожилого возраста рыбак с красным морщинистым лицом, прикрываясь рукой и отходя подальше от огня.

Его напарник — молодой высокий парень в фуфайке, в брезентовых штанах, заправленных в резиновые сапоги с отвёрнутыми голенищами, склонился над ведром. Он черпал ложкой бурую накипь ухи и бросал её на песок...

Дул тихий, но студёный северный ветер.

— Батюшка-Север дышит, — прошептал пожилой рыбак, вглядываясь в устье Иртыша. Там показалось небольшое судно с баржой.

— Дядя Трофим, перец куда дел?! — закричал парень.

— У меня, у меня, Стёпа! — засуетился дядя Трофим.

Первые лучи солнца упали на вершины деревьев, на лица рыбаков.

С плашкоута по трапу на берег сошёл бригадир в оранжевом рыбацком костюме. В таком же наряде был и дядя Трофим. Он передал пакет с перцем Степану и, поздоровавшись с бригадиром, кивнул на реку:

— Слышь, Михаил, поют...

Вторушин сразу узнал Деткина и Мохова с гитарой.

— Это же «Марс», дядя Трофим! Ох, и бас у Василия Алексеевича...

Деткин и Мохов стояли на палубе, пели:

Нам скажут: «Не спорьте!»

А мы и не спорим:

Лететь самолётом

Намного быстрее, быстрее.

И всё-таки море

Останется морем,

И нам никогда

Не прожить без морей.

Бригадир, дядя Трофим и Степан с ложкой в руке вышли на самую кромку берега, махали руками, кричали:

— Привет «Марсу»!

— Василий Алексеевич, приглашаем на уху!

— Эй, Роман! До встречи в мае!

Деткин ответно помахал рукой. Приветствуя рыбаков, голосила судовая сирена.

Василий Алексеевич в парадной форме. Китель надет поверх тёплого шерстяного свитера. Широкие чёрные брюки парусили. Фуражка, как всегда, сдвинута на левый висок. На груди — бинокль.

Мохов в серой вязаной шапочке, в тёплой куртке на «молнии», в джинсах. В руках — гитара.

Катер поравнялся с рыбаками. И они слышали каждое слово песни:

Легко затеряться
В солёном просторе,
Волна закипает,
Грохочет прибой, прибой.
И всё-таки море
Останется морем,
И нам оставаться
На вахте с тобой.

— Душевно поют. Эх, капитан... — растроганно сказал дядя Трофим.

С лица Степана сошла хмурость и деловитость. Распахнутыми глазами смотрел молодой рыбак на судно, на Деткина и Мохова. Он, конечно, забыл, что в руке у него ложка и что в ведре вскипает уха.

Первым спохватился дядя Трофим.

— Степан! — закричал он и смешно подпрыгнул. — Едят нас комары! Уху проворонили... — и побежал к костру.

Степан недовольно посмотрел ему вслед. Но, почувствовав ложку в руке, сразу вспомнил о своих поварских обязанностях.

На берегу остался один Вторушин. На его суровое лицо легла тень грусти. Судно скрылось за поворотом.

«Марс» шёл на Север. А навстречу ему по реке плыли и плыли серебристые льдинки — весёлые вестники наступающей зимы. Это серебристо-голубое крошево тревожило взгляд и вместе с тем напоминало о романтических неведомых далях, куда непременно должен прийти человек.

ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАБОТУ

Есть пророческое признание великого писателя современности Чингиза Айтматова, что человечество изначально пошло дорогой ошибок — дорогой войн. Начиная бойню, правители враждующих племен, кланов, стран, опьяненные чувством наживы, теряли благоразумие, лишались мыслей о массовой гибели незащищенных детей — чужих и своих.

Человечество и сегодня не может гордиться достойной и похвальной заботой о детях, как наследниках грядущей жизни. Этот серьезный и болевой упрек относится и к нашему Отечеству. Нет пока у правительства России многогранной целевой программы, которая бы способствовала гармоничному воспитанию и развитию ребенка, подростка, старшеклассника. Но все понимают: проблемы, связанные с детьми, должны решаться на самом высоком государственном уровне, ибо речь идет о будущем страны.

На первом плане в работе с детьми, конечно же, стоит нравственное воспитание. К нему примыкает физическое, спортивное. Но главное — «слепить» здоровую душу ребенка. На этом благороднейшем пути незаменимым явлением, волшебным инструментом является красивая, интересная книга. Книга, в свою очередь, рождается из отношения человека к природе, его жизнедеятельности в ней, в обществе. Так что природа — наш главный учитель в младенчестве после матери и отца. Природа для ребенка — это красочный, одухотворенный, полный песенных звуков мир.

Читая своим внукам детские книжки, я обратил внимание на восторженное восприятие ими звуков, исходящих от разных птиц, зверей, домашних животных. Например, повторяя малышу крик петушка: «ку-ка-ре-ку» — я получаю желаемый отклик: ребенок от души смеется. Потом внимательно всматривается в иллюстрацию. Малыш воспринял петушка сначала посредством звука, потом — через рисунок, цвет. Единс-

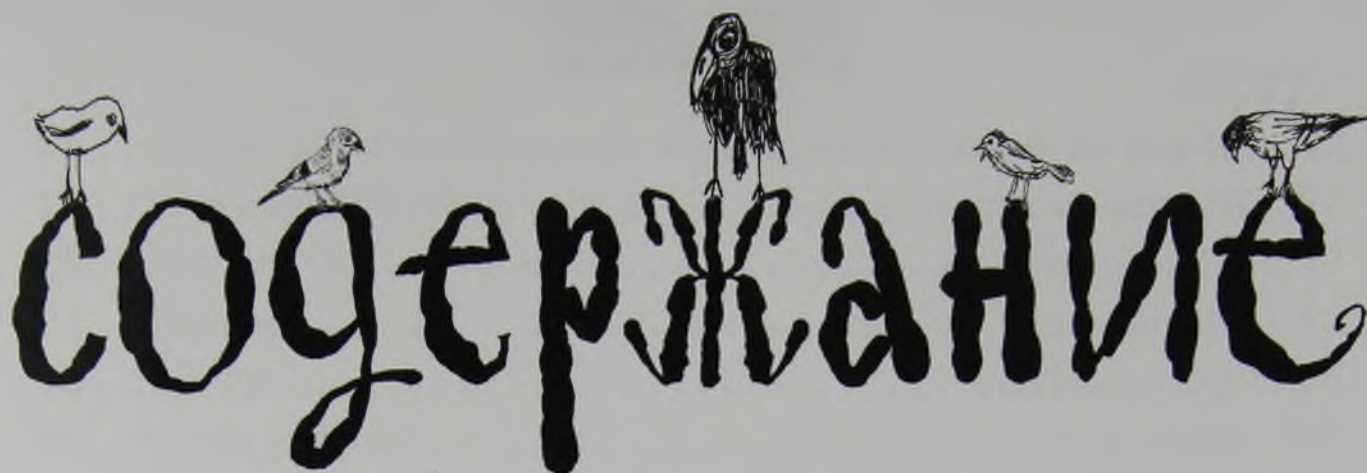

тво звука, цвета и убедительного образа есть живительная гармония для ребенка! Именно так художественный предмет для него начинает по-настоящему жить, двигаться, по-своему петь, и рождается у ребенка подлинный интерес и уважение к нему. Но как мало этой необходимой гармонии в современных детских книжках!

Мы, взрослые, еще не открыли малышам тайну звучания деревьев, цветов. Мне думается, что звуки деревьев, например, должны восприниматься через цвет, исходить из цвета: зеленого, красного, голубого. Не нужно и усложнять звук. Многообразия цвета мы достигнем, постепенно обогащая палитру. И тогда дети услышат голоса георгинов, ромашек, одуванчиков, роз... Не потому ли малыш ломает и рушит цветы (и не только цветы) на воле, что он не слышал от нас, взрослых, их звуки, голоса? Их нет в памяти, в сознании детей. Задумаемся над этим, папы и мамы, дедушки и бабушки. Донесем до ребенка звуки и цвета реального, животворного мира, а не космического, надуманного, с пугающими голосами и безобразными формами. Кому-то в США и на Западе, а теперь и в России очень нравится стращать детей дикими, искусственными образами, навязывать ребенку болезненное представление о мире. За этими бесцеремонными действиями явно угадывается злой умысел: породить в формирующемся характере детей зачатки измененных инстинктов. Мировой общественности пора открыто осудить такие недобрые деянья, признать их ошибочными.

Нынешнее состояние отечественной детской литературы тревожит писателей. Именно по этой причине в 2005 году в Москве было создано Товарищество детских и юношеских писателей СП России. В коммюнике Лангуевой-Репьевой, председателя товарищества, сказано: «Издание книг, издательскую политику взяли на себя отдельные предприниматели, старавшиеся, главным образом, руководствоваться быстрой и личной выгодой, а подчас — расчищать книжный рынок для одной лишь западной литературы. Таким образом, из детского книгоиздания были вытеснены многие привычные для нас жанры: психологическая проза, школьная повесть, книги о природе, о профессиях, науке, ученых, труде, сказки, научная фантастика, лирика для детей и юношества. Зато школьные и городские библиотеки заполнились детективами, любовными повестями для девочек, страшилками...»

Да, детская литература, имеется в виду настоящая, талантливая, российская литература, — ее издание, распространение, чтение должно получить государственную поддержку и заботу на действенном и эффективном уровне. Только в этом случае писательскому товариществу, всем, кто душой радеет за состояние детской литературы, будет обеспечена плодотворная работа.

содержание

Об авторе	5
Моим читателям	6

СТИХИ

Чудеса	11
Спящая бабочка	12
Приключения сибирского комара. <i>Шутка</i>	13
Лось в марте	15
Рябина	16
Медвежонок	17
Филин и заяц	19
Упрямый день	20
Про хвастунишку	21
Страх	22
Следы	24
ЗАГАДКИ	25

ПОЭМЫ

Буба. <i>Поэтический рассказ о лесном гноме</i>	31
Непослушный Мишка и смелый Зайчишка. <i>Поэма-сказка для малышей</i>	39

СТИХИ

«Рати елей охраняют...»	50
Птицы соснового бора	51
«Снега летят...»	52
Шёпот сосен	53
Красивый сон	54
«Нету в лампе керосина...»	56
«Озеро Туман не спит ночами...»	57
Улетают скворцы	58
Кедровый сад	59
Сосна и белки. <i>Картинки из Кисловодска</i>	60
«Всю ночь в окошко дождь стучал...»	61
Выртум	62
Притча про карася	63
Забывтый щенок	64
«На Ендырском озере пляшут валы...»	65
Медведь-рыбак	66
В осеннюю непогоду	68
Песня каюра	69
Метель над логом	70
Вьюга	71
«Спи, мой лес...»	72
Рождение стиха	73
Эксперимент. Звуки цветов	74

ПОЭМЫ

Пихта-спасительница	76
Ёра и Кедрик	83

СТИХИ

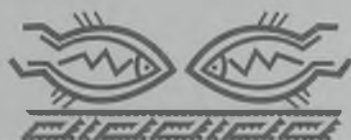
«Мы всеми в юности любимы...»	92
Спасённая бабочка	93
Порубщик	94
Лишний	95
Высота	96
На озере Мойпыр.	97
Закат	98
В берёзовом парке	99
Предзорье	100
У Пушкина	101
Голубика	102
«Читаю грусть в глазах баклана...»	103
В осенний дождик	104
Апрельский этюд	105
Цветовые вариации осени	106
Чага	107
Лосиное болото	108
Медведь Федя	109
Моя осень.	110
Обречённые лайки	111
Таёжный ручей	112
После ночного дождя	113
«Прослушивает копалуха...»	114
Белый клевер.	115
Избушка	116
Ночные деревья.	118
Спасительные кедры.	119
КАЖДОМУ МЕСЯЦУ — СВОЯ ЧЕСТЬ	120
В январе	122

Неспокойный февраль	123
Сумерки марта	124
В апреле	125
Белый май	126
Тишина	127
Весёлый дождь	128
Предосенье.	129
Рябиновый пир	131
В октябре	132
Ожиданье.	133
Волшебный декабрь	134

ПОЭМЫ

Лесные доктора	136
Грозовая ночь	144

КАПИТАН ДЕТКИН

<i>Повесть для детей среднего и старшего школьного возраста</i>	156
Пролог. Взгляд в прошлое.	158
Глава первая. Схватка	159
Глава вторая. В стане оленеводов	165
Глава третья. Бой за остров Шумшу	173
Глава четвёртая. В грозу	176
Глава пятая. Учебная тревога.	181
Глава шестая. В озёрном краю	185
Глава седьмая. Серебристые льдинки	190
Детской литературе — государственную заботу	193

Тарханов А.С.

Т 22 Лесные доктора : Универсальная книга для детей всех школьных возрастов. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2008. — 200 с. : ил.

ISBN 978-5-7529-0939-9

Книга мансийского поэта содержит произведения разных жанров и рассказывает о красоте окружающего мира, о чудесах, что живут рядом с нами и о всеобъемлющей связи человека с природой.

ББК 84(2Рос-Ма)

Тарханов Андрей Семенович
ЛЕСНЫЕ ДОКТОРА

Универсальная книга для детей
всех школьных возрастов

Иллюстрации и оформление А.А. Морозов
amorroz@mail.ru

Редактор Е.В. Черняк

Корректор М.Ф. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534,
выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 29.04.2008. Формат 60×84¹/₈.
Бумага мелованная. Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,3.
Тираж 2000 экз. Заказ № 363.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

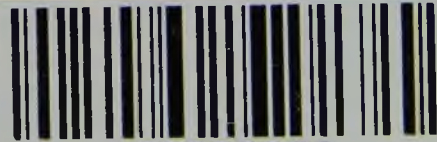
Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Л.А. 76

302292009

Государственная библиотека Югры

